

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

«ЛИНИЯ СТАЛИНА»

Неприступный бастион

Военно-историческая фантастика

Герман Романов

**«Линия Сталина».
Неприступный бастион**

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романов Г. И.

«Линия Сталина». Непрístupный бастион / Г. И. Романов —
«Яуза», 2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-098128-1

Страшно угодить в кровавое дымное лето 1941 года, попав не на свою войну. Хлебнувший лиха в Карабахе и Чечне, военный пенсионер по инвалидности подполковник в отставке Николай Гловацкий проваливается в прошлое, прямиком под гусеницы победно наступающих на Ленинград немецких танков. Тут надо забыть про «Малой кровью, могучим ударом», а встать насмерть, отдав приказ «ни шагу назад». Ведь если остановить фашистов под стенами Пскова, где вросли в землю бетонные коробки дотов «Линии Сталина», то не умрут от голода миллионы ленинградцев?! Именно здесь родилась в 1918 году Красная Армия, которая и сейчас сможет остановить зарвавшегося врага. И похлебают вдоволь в плену Манштейн русской баланды, будут ему «Утеранные победы»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098128-1

© Романов Г. И., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

«Линия Сталина». Непрístupный бастион

Роман не является исторической работой, тут просто не может быть сходства и с реальными событиями, и теми людьми, что отважно сражались с фашистами на дальних подступах к Ленинграду. Их жертвенности, подвигу во имя будущего нашей родной страны – ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пролог

Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Гловацкий 1 июля 1941 года

Крепкие прежде пальцы чуть ощутимо подрагивали, когда уверенными движениями Николай Михайлович слегка «поправил» свою старую верную, еще с Первой мировой войны, когда был на пулеметных курсах Западного фронта, германскую бритву. Кто-то из офицеров подарил ему этот трофей, но вот самому участвовать в боях не пришлось, о чем сейчас генерал пожалел мысленно. Опыт есть бесценная вещь, особенно для кадрового военного, его не заменит ни успешное командование, ни полученные в академии знания.

На душе было муторно, одолевала маета, дурные предчувствия лежали тяжелым камнем. Свидание с женой на станции близ Костромы, откуда уходили на фронт десятки эшелонов, стало тягостным, словно прощались навсегда. Она даже заплакала, и вот эти слезы лишили Николая Михайловича душевного равновесия, ее печальные глаза врезались в его память навсегда. На ум приходило страшное – он отправляется в дорогу в один конец.

Псковский укрепрайон – станция разгрузки 41-го стрелкового корпуса из трех стрелковых дивизий – 118-й, 111-й и 235-й. Конечно, в пути все может измениться, но ехать туда?! Можно было ожидать чего угодно, но укрепления на старой границе говорили ему об одном – произошло что-то страшное, совершенно не укладывающееся в привычные представления.

– Что же происходит?!

Вопрос, заданный самому себе, повис в воздухе и остался без ответа. Николай Михайлович старательно взбил пену в стаканчике и посмотрел в закрепленное на стенке туалета зер-

кальце. Отраженное в нем его собственное лицо покачивалось, иной раз уходило в сторону – классный вагон, в котором ехали штабные, трясло на рельсах не так, как теплушки для бойцов, но все равно ощутимо. Нужно было дождаться станции и там аккуратно побриться, но Гловацкий хотел успокоиться, а сия процедура в том завсегда помогала. Да и внешний вид должен быть в порядке, генерал все же, а не прошедший проверку по «форме 20», призванный по мобилизации мужик из запаса, давно утративший воинский вид. И стал помазком наносить мыльную пену на лицо, продолжая думать о событиях, что перевернули жизнь с 22 июня.

Война оказалась внезапной! Нет, все понимали, что воевать придется рано или поздно, но надеялись на второй вариант. Похоже, что и для Сталина, и для советского командования она началась неожиданно. Конечно, сам к тайнам Генерального штаба отношения не имел, но со своей колокольни командира стрелковой дивизии, которых имелось около двух с половиной сотен, судя по порядковым номерам, отмечал по очевидным признакам, их любой военный обучен распознавать почти мгновенно. Шла переброска к западной границе частей и соединений из внутренних округов, но вот признаков подготовки к мобилизации не наблюдалось. Более того, после заявления ТАСС от 14 июня были разрешены отпуска для комсостава, и все вздохнули с облегчением. А прошла неделя, и тут же грянула война!

Шесть дней прожил в сплошной суматохе, не зная ни минуты отдыха, с урывками короткого тревожного сна, похожего на беспмятство. Дивизия пополнилась мобилизованными резервистами до полного штата, сколачивали подразделения, получали все положенное согласно расписанию вооружение и боекомплект, многие десятки вагонов. Груды разнообразного имущества вывозились прямо со складов на только что пришедших с заводов и колхозов автомашинах. Их покраску в защитный цвет вели уже на платформах. Думал в эшелоне отоспаться, но нет, нерадостные думы терзали генерала, нервы же не железные, хотя натянуты как струны.

– Ах ты!

Процесс бритья оказался болезненным: тряска вагона превратила его в немилосердную пытку. Генерал даже захотел дождаться остановки эшелона, но, представив, как он покажется подчиненным с одной выбритой щекой, а вот на другой будет топорщиться хорошо видимая всем щетина, решительно продолжил тягостное занятие, хотя лицо покрылось многими кровоточивыми порезами, словно его исцарапала внезапно взбесившаяся кошка. Аккуратно смыв в жестяную раковину чуточку розоватую водицу, генерал тщательно вытер лицо казенным вафельным полотенцем и налил на ладонь немного «Шипра» из пузатой стеклянной бутылочки, недавно купленной по случаю в военторге. Закрыв глаза, набрав в рот воздуха, Гловацкий тщательно растер по лицу одеколон.

– Твою мать...

Жгучая боль, словно ядовитым газом безжалостно опалила выбритые щеки, и Николай Михайлович тихо взвыл, стараясь сдержать невольный стон и вырвавшиеся откуда-то из глубины души исконно русские выражения, те самые слова, которыми очень легко оперируют в командном лексиконе как красноармейцы, так и командиры с генералами и даже маршалами. «Кудрявые изречения» он не раз слышал и от Буденного, и на Дальнем Востоке из уст Блюхера, хотя о знакомстве с последним маршалом, ставшим в одночасье «врагом народа», в нынешние дни приходилось помалкивать.

Гловацкий попытался вздохнуть, но тут грудь сдавило словно тисками. Боль резанула глаза, на секунду показалось, что он ослеп. А потом навалился кашель, тяжелый, надрывный – такой он слышал у отца, служившего в старое время крестьянским начальником в Иркутской губернии и сгоревшего в 1911 году на его глазах от терзавшей много лет чахотки. И это было непонятным, врачи, а медосмотры он проходил постоянно, не находили у него даже малых признаков этого страшного заболевания. Да и не кашлял так никогда прежде, хотя и курил. Во рту стало солоно, губы повлажнели, и Николай Михайлович машинально достал из кармана

синих бриджей с широкими генеральскими лампасами носовой платок, что заботливо изготовила жена и даже украсила вышивкой. Прижав его к губам, тщательно обтерев, Гловацкий с удивлением посмотрел на прежде белоснежную ткань, которую буквально испоганили кровавые пятна и разводы.

– Как же так?!

Внезапно на генерала навалилась слабость, будто разом лишился сил. Ноги стали ватными, и Николай Михайлович медленно уселся прямо на пол, оказавшись между дверью и жестяным коробом унитаза. Перед глазами все поплыло, потом потемнело, и Гловацкого укутало принесшее избавление от терзающей грудь боли спасительное беспмятство.

Военный пенсионер по инвалидности подполковник в отставке Гловацкий 1 июля 2017 года

С самого детства Колю Гловацкого постоянно донимали одним и тем же вопросом: не родственник ли, часом, генералу, именем которого названа одна из улиц Нижнеудинска?!

Нет, не родственник, отвечал, а только однофамилец. Да и корни их семьи издревле связаны с этим небольшим сибирским городом со столь давней историей, что берет свое начало от первых казаков-землепроходцев, пришедших сюда еще в 17-м веке и поставивших на берегу своенравной Уды острог. Следует откровенно признать, вопросы любопытствующих являлись закономерными: слишком редкостной была его фамилия для этих краев, где довольно часто встречались селения со сплошь родственными связями, что не только пронизывало быт и жизнь всех односельчан, но и отражалось в самих названиях, идущих от фамилии или прозвища основателя.

Предки семейства Гловацких сами из казаков литовского списка, что пришли сюда с атаманом Похабовым, основателем Иркутска. А вот генерал не совсем местный, даже родился не здесь – его отец переехал в сибирские края в 1897 году, с женою и с ним, двухлетним ребенком на руках. Да и жил недолго – перед 1-й Мировой войной окончил гимназию и отбыл в Москву учиться в университете. Затем пошел служить в РККА, а когда в 1941 году фашисты напали на СССР, дивизия под его командованием обороняла Псков. Видимо, неудачно: военный трибунал приговорил Гловацкого к смертной казни, и его расстреляли 3 августа. Рубили сгоряча в то нелегкое время, ведь в 1958 году обвинения с генерал-майора сняли и реабилитировали, потому и назвали одну из улиц в его память. Вот то, что знал Коля о своем именитом однофамильце, хотя родился на 76 лет позже его и мог бы собрать о нем побольше информации. Однако юношеские интересы были тогда другие, да и времена перестройки будоражили общество, не до изысканий на ниве Клио. Хотя, признаться честно, самолюбию парня немного льстило, что он полный тезка расстрелянного, ведь по дикому, невероятному стечению обстоятельств совпали не только их фамилии, но и имя с отчеством, немислимое во всех ракурсах обстоятельство. Но вот так уж вышло, выпал шанс из миллионов!

Окончив школу, юный Гловацкий отправился в Новосибирск, поступил там в командное училище внутренних войск. Перестройка привела к разладу, а закончилась развалом СССР, так что Николай получил заветные погоны с двумя маленькими звездочками в последнем выпуске советских офицеров. А заодно побывал и на своей первой войне – сводный батальон курсантов отправили в Карабах, где противостояние армян с азербайджанцами привело к вооруженному конфликту. Затем тянул лямку взводного, получил старлея и роту, и тут пришла Чечня. Оборонял вокзал, был ранен, со слезами на глазах написал полдесятка «похоронок» и с той поры совершенно перестал шутить и улыбаться, даже когда получил орден Мужества на муаровой ленточке и добавил четвертую звездочку капитана на погоны.

После второй командировки стал пить и запросился на «выход». И как ни странно, но офицер с его боевым опытом, но неуживчивым характером потребовался для проведения занятий по тактико-специальной подготовке в институте МВД, что как грибы после дождя появи-

лись по всей стране. Одно это обстоятельство, на фоне стремительного сокращения вооруженных сил и военных училищ, говорило о том, каким государством становится Россия. И он словно обрел крылья, насколько интересно ему было вести занятия и готовить курсантов к новой войне, что должна была привести к ликвидации опасного очага терроризма, получившего передышку. И делал это на совесть, но начальству резкие высказывания по поводу коррупции и лизоблюдства не нравились, и строптивного майора Гловацкого «сплавили» в ОМОН, где он снова получил под командование роту. За год успел подготовить бойцов, с ними и отправился на вторую Чечню. Потерь «двухсотыми» не понесли, зато сам стал «трехсотым», получив сильнейшую контузию и ранение, тоже серьезное, от которых был списан на инвалидность.

И все – «разменяв» четвертый десяток, он сразу ощутил бесполезность и ненужность обществу. Молодая жена, сам же и обучал ее, юный лейтенант, следовательно с огромными амбициями, «свинтила» первой, даже на развод не подала, и он лишь через несколько лет расторг этот брак без любви на одном лишь, как говорят в народе, «интересе». Начальство поступило так же и ту же квартиру, что обещало, не выдало, хотя он замучился обивать пороги в УВД и даже два раза написал министру. Наградили, правда, еще одним орденом Мужества, «прижав» документы на третий, и уволили подполковником, с благодарностью от президента. Последнюю отставка повесил в рамочке на стене убогонькой комнатенки в избушке, которую приобрел на выплаченные «боевые» и пособие в своем родном городе.

Тут доживал свой век: женщин избегал, ничего серьезного в общении с ними не позволял, людей немного сторонился, форму не носил и награды не надевал принципиально. Читал книги в каком-то запое, прикупил себе сварочный аппарат, варганил окрестным обывателям потихоньку мангалы, коптильни, сейфы под оружие, решетки, двери и прочие нужные в хозяйстве вещи. Занятие находилось, в своем доме их всегда навалом, хотя ковылял с трудом, опираясь на трость.

Год назад словно толкнуло: а как же тетка, тот самый расстрелянный генерал? В Интернете информация на него отыскалась, пусть и немного, но определенные выводы для себя отставной подполковник сделал. Псковский УР дивизия Гловацкого заняла крепко, вот только немцы ударили южнее на полсотни верст, захватив город Остров со стратегически важными мостами, взорвать их не успели. Разбив за два дня боев наши войска, которые бросали в наспех подготовленные контратаки, танковые дивизии Вермахта стали продвигаться на восток. Судя по всему, само слово «окружение» имело тогда на советские войска магическое воздействие. Гловацкий увел дивизию из УРа то ли самовольно, то ли получив на то устное согласие от командира корпуса генерала Кособуцкого, который на следствии этот факт отрицал. Вот только отвод привел к панике – сразу две дивизии двинулись к псковским мостам, а их преждевременно взорвали. Так что войскам пришлось бросить матчасть и переправляться через реку Великую на подручных средствах. А затем долгий отход вдоль берега Чудского озера на Гдов, вот только дорогу на Ленинград перехватила немецкая мотопехота, устроив нашим «котел».

Тут генерал оставил свою дивизию, ушел на военном корабле по озеру. Следствие расценило это как дезертирство и шкурничество, хотя Гловацкий был болен и передал командование начальнику штаба. Вот тогда последовал трибунал, по приговору комдива казнили за сдачу Пскова и Гдова, а генералу Кособуцкому «впаяли» 10 лет лагерей. Правда, спустя год амнистировали, и войну тот окончил также командиром корпуса. Довольно мутная история, недаром спустя 17 лет реабилитировали.

Поиск истины целиком поглотил отставного подполковника, и месяц назад он специально отправился в Псков, как говорят военные, «провести рекогносцировку» на месте. Затем поехал в Гдов, где произошла совершенно невероятная встреча с очевидцем тех давних событий, мистическая, можно даже так сказать, насквозь непонятная и загадочная, а теперь отправился на поезде обратно домой...

– Чай пить будете, пассажир?

Молодящаяся проводница, чуть полноватая женщина бальзаковского возраста, игриво стрельнула глазами. Бывают ведь такие красотки, что будут выпрашивать комплимент даже у него, седого, битого жизнью инвалида, ибо чувствуют себя крайне скверно, если кто-нибудь не скажет им откровенных «сладких» слов.

– Чуть позже, хорошая вы моя, и обязательно! И еще бы чего-нибудь к этому, вечерком?

Гловацкий поощрительно улыбнулся, но проводница сделала вид, что не поняла почти откровенного предложения, тут же соскочив с темы, и, как говорят путейцы, перевела стрелки.

– Что покрепче только в ресторане!

– Да я не пьющий, – пожал плечами Гловацкий и пошутил на свою голову: – О такой красивой жене всю жизнь мечтал.

– Все вы мечтаете, – отрезала женщина и оценивающе посмотрела на него, моментально оценив незамысловатый фасон одежды и трость у полки. И добавила, собрав полные губы в «гузочку»: – Много вас таких, как лососи на нерест прете. Недаром говорят, что седина в бороде, а бес в ребро!

Гловацкий пристыженно закричал, словно старик, а проводница, узрев искреннее смущение, сменила гнев на милость:

– Через полчаса чай принесу, с печеньем. Хорошо?

И победно улыбнувшись, медленно повернулась, дав ему возможность оценить округлый зад, обтянутый форменной юбкой. И величаво, поступью природной королевы, выплыла из купе, задвинув дверь и оставив устойчивый запах дразнящего ноздри дорогого парфюма.

– Ах, какая женщина, – задумчиво пробормотал Николай Михайлович, помотав головой, статью прям гренадер, а не бабенка. – И тут же вернулся к прерванным этим визитом мыслям. В купе он сейчас ехал один, трое других попутчиков, студенты питерского вуза, а видом патлатые хиппи времен его молодости, набрав в пакет бутылок, удалились в соседний вагон, где ехали, как он понял, их сокурсницы. Так что ничего не мешало ему предаваться мыслям вслух – что Гловацкий часто делал, привыкнув к подобным беседам за последние полтора десятка лет.

– Станный дед, одна старушка мне сказала, что юридивый, другая – что колдун. Правда, добавила, что вреда не несет, а польза бывает, – наморщив лоб, произнес Николай Михайлович, вспоминая ту встречу. Они столкнулись у старинного Гдовского кремля, порядком порушенного временем и войнами, но сохранившего большинство стен.

Неопрятный старик с душком от грязного тела и неприятным запахом изо рта, типичный расейский бомжара, сам подошел к нему и спросил, кто он такой и что тут делает. И неожиданно для самого себя Гловацкий полностью представился, хотя вначале решил дать старикану сотку на водку, а чего еще такому человеку нужно?!

Но все пошло совершенно по-иному. Услышав ответ подполковника, старик буквально остолбенел, застыл, его поблекшие глаза будто покрылись дымкой, забормотал довольно-таки бессвязно: «За собою пришел, значит, в ином обличье?! Ну да, видел я тебя тогда, как ты на берегу кровь утирал да платочек свой уронил. А я, хоть мальцом был, подобрал, чуял, что вернешься к нему. Вот, возьми, при себе много лет хранил».

Юродивый достал из-за пазухи куртки сверточек, развернул газетную бумагу, а там был на удивление чистый, хотя и чуть пожелтевший от времени платочек с разноцветной вышивкой. В глаза сразу же бросились разводы на белой прежде ткани, словно от полинялой ржавчины.

«Руда пойдет, утри и вернешься... Только зряшно все, от судьбы не уйдешь... На тебе печать была, и сроку той с месяц, не больше, и сейчас ее вижу на тебе. Смертушка сама за тобой придет, что здесь, что там». – Старик скривился печеным личиком, и ушел, огорченно взмахнув рукою.

Гловацкий тогда долго смотрел вслед ковыляющему юродивому, стоя недвижимо у обветшалой каменной стены старинной крепости, видевшей на своем веку немало врагов,

желавших нахрапом и острой сталью получить русской земли. Отставной подполковник, сам до глубины души и печенок внутри тела потрясенный этой неожиданной встречей, оторопело застыл, не в силах собраться с мыслями несколько поразительно долгих для себя минут. Затем, решив, что по исконно русскому обычаю, без принятой вовнутрь бутылки в столь трудном вопросе разобраться совершенно нельзя, только свой мозг напрасно напрягать, поковылял к ближайшему магазину.

Внутри пустого павильона, отгоняя назойливых мух, расставляла на полке банки-склянки одуревшая от жары продавщица. Покупателя встретила с интересом и живенько собрала к бутылке водки немудреную закуску в виде нарезки колбасы, сыра и черного ржаного хлеба. Добавила золотистого леща холодного копчения, посетовала, что снетка выловили подчистую, а раньше мужики к выпивке его брали целыми кульками: сушеная мелкая рыбешка здесь шла вроде кедровых орешков в Сибири или семечек в других местностях России. И тут вошли две старушки, у которых Гловацкий мягко поинтересовался личностью загадочного старика. Те ответили разом, почему то перекрестившись дружно, но на улице Николая Михайловича окликнула та, что о «пользе» говорила. И боязливо добавила: «Лет двадцать его не видела, редко сюда приходит этот сетту. Старик мой с ним поговорил чуток и помер через месяц. Люди судачат, что порой он смерть предсказывает и та приходит». Тут бабка перекрестилась и шустро потопала по улочке, только оглянулась несколько раз на него, как на прокаженного.

До синей глади озера было версты две, вроде бы немного, но Николай Михайлович весь взопрел, пока доковылял. Уселся у пристани, разложил на газете снесь, налил из запотевшей бутылки, что достала ему из холодильника услужливая тетка, полный пластиковый стакан водки и жажнул одним махом. Когда потянул руку за колбасой, перед глазами все поплыло, и он узрел иное, будто оказался на съемках фильма про войну, ту самую, что пришла сюда три четверти века тому назад.

У самой пристани стоял пароход с большими колесами по бортам, как бы военный, под флагом советского ВМФ, с пушками. На него поднимались люди, таща носилки с ранеными. На берегу толпились сотни бойцов, рядом гремели суматошные выстрелы, громко разносилось пронзительное ржание – ездые стреляли в обозных лошадей, а те лишь всхрапывали перед смертью, не понимая, почему их убивают люди, которым они так верно служили. В самом Гдове повсюду гремели взрывы, поднимались в небо густые черные столбы дыма. Поглядев чуть в сторону, Гловацкий увидел генерала в кителе с орденами на груди – тот надрывно кашлял, прижимая окровавленный платок ко рту. И тут же морок схлынул, так же внезапно как появился, и перед его глазами снова синела озерная гладь...

– Мистика, – пробормотал Николай Михайлович, припомнив сейчас то наваждение, что нахлынуло на берегу после стакана водки. И развернул на столике тот самый платок, в пятнах. Перед глазами все поплыло, как в тот раз, левая рука онемела, из носа закапала дымящаяся алая кровь, и прямо на ткань. Теряя сознание, Гловацкий успел прохрипеть последние слова:

– Это конец... старик не солгал...

Глава 1

«Дан приказ ему на Запад»

2 июля 1941 года

Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Гловацкий Западные Страны Руссы

Левая рука, хотя чуток онемевшая, уже не болела, так, тихонько ныла, как бы напоминая носителю брэнного тела о своем существовании. И хоть он лежал на чем-то мягком, вроде матраса, но вот под ним была жесткая полка, топчан, качающаяся, словно на морской волне. И тут к нему вернулся слух, и в голову ворвался ленивый перестук вагонных колес, который ни с чем не перепутает тот, кто хоть бы раз проехался по железной дороге и спал под эти порой успокаивающие звуки.

«Инсульт шарахнул в третий раз, – к Николаю Михайловичу вернулась способность думать, хотя мысли тянулись в голове густой патокой. – И снова не в полную силу. А то бы хана была полнейшая! Парализовало бы на хрен, да мозги с речью отшибло напрочь, лежал бы сейчас бревном. А так отделался по большому счету лишь легким испугом. Нельзя волноваться, нервничать и тем паче психовать. Супруга чуть до смерти не довела своими истериками, я, мол, девочка молоденькая, ты развалина старая, ветеран второй пунической, с тобой рядом стыдно стоять, за моего папашу принимают!»

Гловацкий крепко сжал зубы, кое-как сдержал невольный стон. То не боль рванулась наружу, а мучительный жгучий стыд, что терзал его все эти долгие годы. Недаром люди говорят, что в жизни можно пережить все, кроме предательства. Вот только если мужиков прямо обвиняют в изменах, то сами женщины, что бы ни натворили, всегда наотрез отметають от себя подобные обвинения, наоборот, настаивают, что они сделали «оптимально правильный выбор» в создавшемся положении.

«Сука порченная! Я в госпитале загибался, а она ко мне раз в неделю приходила на минутку, как чашку кофе, проходя, выпить в буфете. Подушку не взбивала, одеяло не поправляла, дежурные слова «дай деньги», и уходила сразу. И друзья ничего не говорили, знали все и молчали, берегли меня. А ведь ничего не видел и не понимал! Как слепой и глухой был. Сука!»

Ярости не было, ни тогда, ни сейчас, иначе бы она нашла выход. А вот стыдливая брезгливость к ней, к самому себе нахлынула мутной волною, и Николай Михайлович рывком поднялся с топчана. И только сейчас открыл глаза. От увиденного он впал в протрацию, не в силах сказать ни слова. Но вот болезнь здесь была ни при чем.

Это не его купе!

Оно совершенно не походило на обычный пассажирский вагон, в них-то довелось ему поездить. Нет, приоконный отсек обычных размеров, может чуть шире, но вот окно меньше. Никакого пластика, все деревянным шпоном облицовано, плотненько так, красиво, дощечка к дощечке, и матовым лаком покрыто. Всего один топчан, похожий на жесткий диван с тонкой набивкой и высокой спинкой, обтянутой кожей, вон как сразу от прикосновения пальцев закрипела, никакого там тебе дерматина или заменителя. Напротив столик с откидным от стены стулом. На столешнице щедро стояли склянки с какими-то жидкостями, запах от них шел еще тот, как в больнице. И еще порошки в бумажных пакетиках, в детстве такими постоянно поили, таблеток тогда ведь не было в таком объеме, какими сейчас в аптеках продают. Стетоскоп рядом лежит, название вроде бы правильное, но Гловацкий вспомнить-то его смог, но такой видел только в фильмах, посвященных революционным годам, с их сакраментальным «дышите, не дышите».

– О...

Сдвижной двери в купе, той, что должна быть как раз напротив окна, не имелось как таковой!

Там, примыкая к дивану, вытянулся шкаф без дверец, наверху толстая полка, где лежала армейская фуражка с кокардой. Вроде пехотная, околыш малиновый, не взвзшая, крап темнее, он узнал бы его сразу, хотя и было сумрачно. Стекланный плафон на потолке, но какой-то примитивной формы, с обычными электрическими лампочками, не светил. А вот ниже полки висел китель без погон, но с широкими генеральскими петлицами времен РККА, с двумя маленькими блестящими звездочками и эмблемой сверху, но не привычной общевойсковой «капусты», а в виде двух скрещенных винтовок. Там же с боку повис широкий офицерский ремень, португепя и кобура, но не «макаровская», а чуток посолиднее габаритами. А вот то, что он принял за стенку напротив дивана, оказалось на самом деле дверью в соседнее купе, с шикарной никелированной ручкой.

– Охренеть, – беззвучно прошептал Гловацкий и оторопело уставился в окно. Сейчас ночь, несомненно, теплая летняя ночь! Такие увидишь только в Карелии и Эстонии, в Питере, на Луге! Он часто бывал в этих местах как в советское время, так и в лихие девяностые.

Белая ночь!

Сумрак, но не темнота, даже читать можно, если приноровиться. А вот что проплывало деревенским видом за окном, потрясло его не меньше. Поезд медленно шел вдоль большого села, на лужайках спокойно скотина пасется, кони в ночном, мужик спокойно дрова рубит, но вот бросил, пристально на эшелон смотрит – пастораль сельская, одно слово!

Но где столбы с проводами, спрашивается?! А ведь они должны быть по определению!

Где яркий электрический свет в окошках, хоть один-единственный полуночник должен же быть? Село немаленькое, две церкви в нем, народу проживает здесь порядочно, несколько тысяч, и что, все жители разом спать завалились, и ночные программы никто не смотрит?

Да и где привычные в современности телевизионные антенны, что обычные, что спутниковые «тарелки»?!

Где автомобили на грунтовых дорожках улиц, хоть один-единственный древний «жигуль»? А ведь машины должны быть во многих дворах, не настолько нищим село выглядит, да те же гаражи не наблюдаются, а только стайки, навесы и сараи.

Ничего! Так не бывает!

В купе можно любую инсценировку устроить, режиссеры наши на это мастаки ему мозги капитально запудрить. Показывали однажды фильм, там для нового русского его богатенькие друзья усадьбу с «крепостными» для розыгрыша организовали, статистов наняли. Можно старые вагоны найти, если постараться, даже паровоз к ним прицепить, вон он гудит надрывно, да дым мимо окна клубком прошел. Но чтоб разом все село на много десятилетий в прошлое ушло?! Причем случайно, он ведь только сейчас встал, ведь мог бы дальше лежать на диванчике.

Так не бывает!!!

Николай Михайлович на мгновение застыл, вытер холодный пот со лба наброшенным на спинку дивана вафельным полотенцем и увидел на стене зеркало в рамке. Он подошел к нему и всмотрелся в собственное отражение. Пусть немного тускловатое в сумрачном свете белой питерской ночи, но хорошо различимое.

На него смотрело совершенно иное лицо, не его, кругловатое, лоб с залысинами. Волос черный, а не седой, примерно тех же лет мужик, одного с ним возраста. И насквозь знакомое! Гловацкий мог поклясться чем угодно, что знал его очень хорошо, память такие вот вещи всегда отмечала. И видел часто, буквально совсем недавно, вроде на берегу, где паровоз с пушками был, в том самом странном наваждении!

– Ах ты...

Он мгновенно запустил пальцы в карман кителя на вешалке и вытащил оттуда красную толстую книжицу военного удостоверения в мягкой и очень дорогой сафьяновой обложке. О такой только читал да видел у одного высокопоставленного начальника. Раскрыл – с фотографии на него смотрело только что отображенное в зеркале его собственное лицо, от вида которого чуть «крышей» не поехал. Надпись на нем как положено – «генерал-майор Гловацкий Н. М». На другом листочке, только с правой стороны, разрешение предъявителю сего документа заходить в учреждения Наркомата обороны. А на развороте шла витиеватая подпись самого наркома – маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

После очень долгой паузы, которая ушла у него на осмысление всего с ним произошедшего, Николай Михайлович вычурно, уже почти беззвучно, шевеля губами, как вытянутая на берег рыба, выругался, и на душе сразу стало легко. Правда, вопросы остались, и очень много, но они касались не его новой «оболочки», а самого процесса, благодаря которому в нее воплотился. И тут версий роилось множество, ведь и литературы соответствующей, вот смех-то, на пенсии прочитал достаточное количество.

Тут любое объяснение хорошо подходило, даже притягивать не нужно! От основанного на эзотерике мистического или религиозного, до голимого научного рационализма или существующей в умах теории об энергетической составляющей души, информационном поле и способности матрицы того или иного субъекта перемещаться как в самом времени, так и в пространстве. Выбери, что по душе тебе придется, все равно проверить такое нельзя, как эксперимент на себе ставить, научные опыты вьедливым умом проводить? Разобрать телесную оболочку на ее составляющие?!

– Мистика!

Гловацкий выбрал первое, что пришло на ум. Но тут мозг дал и другое объяснение, он произнес вслух слова немецкого философа Фридриха Ницше, которые как нельзя лучше подходили к ситуации, объясняли и его последние месяцы жизни, с хлопотами, поездкой и настойчивым розыском информации, и случившийся с душою и умом «перенос».

– Человеку, слишком часто заглядывающему в бездну, следует самому помнить, что и бездна всматривается в него!

Николай Михайлович затравленно огляделся по стенам купе, уткнулся взглядом в полку. Вот сейчас сам проверит, что это за мистика, из которой выхода нет! А он под рукою, возьми и проверь!

Фуражка оказалась со старой кокардой, да и золотая канитель ремешка почти как новая, перевернул донцем сверху – так и есть, ярлык 1940 года. Не удержался от проверки кителя – тот же московский военторговый ярлык, не по заказу шит, но вот не просто так куплен, а в особой секции, для высшего комсостава РККА, у всех других офицеров подбородочные ремни кожаные, как он помнил, это в 1970-е годы всех «золотом» на фуражки наделили. Ох, смешно было смотреть – бежит милиционер за преступником, пистолетом машет, а второй рукою за свою фуражку держится, чтоб не слетела. Красота с практичностью в таком деле не сочетается!

И тут кобура привлекла его внимание. Гловацкий расстегнул клапан и вытащил чуть дрожащими пальцами тусклый тяжелый ТТ, настоящий, не муляж или «китаец». Тоже ветеран – 1937 года. Из этого пистолета ему приходилось стрелять в Чечне, взяли такой трофеем у боевиков, наверняка из мобилизационного резерва. Ладонь ощутила холод рукоятки, палец нажал на кнопку, и в руке тут же оказалась обойма, набитая до отказа привычными «бутылочками», подлинными на вид, не бутафорией.

Вот сейчас Николай Михайлович полностью поверил, что «перенос» – самая настоящая реальность, с которой ему следует свыкнуться. Что дальше с ним будет, покажет время, но с пистолетом в руке почувствовал небывалую энергию и полную уверенность. Повеселел, кровь забурилась, как в молодости. Не устоял перед искушением, больно уж нравился ему этот звук. И звонкий лязг металла сопровождал досылаемый в ствол патрон...

Командир 56-го моторизованного корпуса генерал инфантерии Манштейн Плацдарм севернее Двинска

Спасительный, столь нужный для отдыха сон в эту ночь к нему никак не пришел, слишком велико было обуревавшее генерала возбуждение. Всего за пять дней войны его корпус продвинулся от самой границы до Двинска одним стремительным прорывом. В войну, что отгремела четверть века тому назад, Эриху фон Манштейну доводилось воевать в этих местах. Он хорошо помнил, как тяжело тогда пришлось немцам, буквально прогрызали оборону упорно сопротивлявшихся здесь русских.

Даже в самых горячечных помыслах генерал не мог мечтать о столь удачном начале второй русской кампании. Большевиков застигли врасплох, вся дислокация советских войск оказалась крайне неудачной, ни наступать, ни обороняться не могли. Вытянутая цепочка дивизий вдоль всей границы была порвана везде, как мягкая туалетная бумага, подходившие из глубины стрелковые дивизии резерва буквально опрокидывались с ходу, удар сотен русских танков лишь приостановил продвижение его корпуса на несколько часов. Дивизии успели быстро подтянуть орудия ПТО и мощные зенитки и буквально в упор расстреляли несущуюся на них лавину танков, бездумно брошенных в атаку без поддержки артиллерии и мотопехоты.

У советского командования не хватило ума, чтобы как можно быстрее отвести армии на правый берег Двины, минировав дороги, прикрывая отход сильными арьергардами с танками и противотанковыми пушками, взрывая за собою мосты через реки, которых в здешних краях хватает с избытком. Одно последнее мероприятие могло бы сразу поставить самый жирный крест на стремительном блицкриге – мост через Дубиссу удалось захватить с наскока, а ведь в прошлую войну потребовалось целых три месяца, чтобы его заново построить, лишь после этого стало возможным дальнейшее продвижение германских дивизий вперед.

Что же это такое произошло – беспечность или поразительная глупость русского командования?!

Скорее всего, есть место и тому, и другому, ведь неумение вести не только маневренную войну, но даже обычные боевые действия, связанные с прорывом позиционной обороны против заведомо слабейшего противника большевики показали в зимней войне 1940 года с финнами. Русские генералы давно уже стали притчей во языцех – известно, чем выражается слабость армии, особенно когда своих наиболее одаренных военачальников их вождь Сталин массово подверг репрессиям.

Последние два дня, несмотря на радостный кураж, Манштейну было не по себе, как-то беспокойно, что ли. Нет, не противник, уже давно фактически разгромленный, его пугал, а свое собственное командование, которое, судя по всему, немного растерялось от быстрых, ошеломляющих побед Панцерваффе, будто нечаянно свалившихся на голову как манна небесная.

Командующий группой армий «Север» старый фельдмаршал фон Лееб сам не ожидал быстрого продвижения в глубь советской территории. Через пять дней, 26 июня, он остановил своим приказом продвижение 56-го корпуса Манштейна вперед и тем не позволил развивать успех, связанный с захватом Двинска с его целехонькими мостами через реку, и продвигаться дальше на Псков, к старой русской границе. Нельзя давать большевикам возможность занять укрепления на «линии Сталина», там, за бетонными коробками ДОТов они смогут прийти в себя. Но нет, корпус получил приказ только защищать захваченный у противника плацдарм с мостами, подтянуть тылы и ожидать, пока пехотные соединения 18-й армии не выйдут к Западной Двине.

С точки зрения классической стратегии командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб поступал верно – выровнять свои пехотные дивизии и продолжать дальше выдавливать потрепанные соединения врага, занимая все большую территорию.

Это на первый взгляд самое правильное решение на самом деле, по мнению Манштейна, было глубоко ошибочным и порочным, сводило на нет саму идею блицкрига. Нужно бить всей танковой группой дальше, на север, разорвать окончательно вражеский фронт на изолированные группы дивизий, ошеломить врага стремительным натиском в глубь страны, вызвать панику и неразбериху. Большевицкое командование и так растеряно, в этом случае оно окончательно потеряло бы управление войсками, а значит, и способность к организованному сопротивлению.

– Какая глупость!

Эрих фон Манштейн нередко позволял высказываться нелюбезно в адрес собственного руководства. Старые «загрязнители воздуха в штанах» из ОКХ боятся, что вырвавшиеся вперед танковые части его и Рейнгардта могут быть охвачены противником с флангов, отсечены, окружены и уничтожены. Это понятно, такое весьма возможно и даже вероятно, но лишь в случае, если враг действительно сражается умело, его руководство совершенно адекватно воспринимает стремительно меняющуюся обстановку на фронте, а также еще имеет достаточно большие резервы. Но ведь этого нет в помине, придерживав корпуса танковой группы, фельдмаршал фон Лееб фактически играет на руку разгромленным в ряде приграничных сражений большевикам, сам же дает противнику возможность опомниться от сокрушающих ударов Панцерваффе и главное, успеть вывести свои потрепанные части на восток, к линии старых укрепрайонов «линии Сталина».

Теперь, если удастся прорвать оборону с ходу, время будет безнадежно упущено, а оно сейчас драгоценно. Огромная территория позволяет врагу отступить, и, в конце концов, русские ведь смогут снова воссоздать свой сплошной фронт, задействовав огромные ресурсы, какие у них еще находятся в достаточном количестве. Исторический опыт на этот счет имеется, прямо свидетельствует, достаточно вспомнить о той крайне незавидной участи, которая уготована была Великой армии самого императора Наполеона.

Нет, нельзя терять даже часа, а рвать фронт и неутомимо преследовать большевиков, не ждать отстающие от танков пехотные дивизии Вермахта! И помнить, что время драгоценно не только для немцев, но и для врага, что сможет опомниться, вот тогда будет действительно трудно! Ведь в академии недаром говорили, что слабость русских – в отсутствии квалифицированных генералов, а сила – в многочисленных резервах!

В данных аксиомах за эти пять дней «двинского сидения» Манштейн убедился окончательно, они правильны. Все это время красные пытались отбить Двинск, вначале силами собственных парашютистов, бросив десять тысяч отчаянных солдат на танковую и моторизованную дивизии, которые с легкостью отбили атаки, к тому же не поддержанные артиллерией, которой по штатам у десантников просто не имелось. И лишь потом подошли русские механизированные дивизии, все повторилось – легкобронированные машины красных горели десятками, но раз за разом их продолжали бросать в атаки с немыслимой по немецким меркам, чудовищной и абсолютно не нужной расточительностью, пока большевики полностью не выдохлись в бесплодном натиске, потеряв почти сотню танков.

В это время советские бомбардировщики делали по десятку налетов в день, стремясь разбомбить мосты, надежно прикрытые зенитной артиллерией всего корпуса и перелетевших на аэродром истребителей Люфтваффе. В один из таких дней сбито было два десятка бомбардировщиков, но советское командование упрямо продолжало отправлять экипажи на верную гибель без малейшего шанса на успех.

Такие безнадежные воздушные и наземные атаки красных примирили Манштейна с этими ста часами простоя. Большевики не использовали их для отвода войск, что было бы самым неприятным, так же как и не отдали приказ быстро окопаться, подготовить глубокоэшелонированную оборону, всемерно подтягивая из внутренних районов страны резервы. Советское командование совершенно не извлекло выводов и продолжало, к большому удовольствию

германских генералов, свои глупые непрерывные контратаки, окончательно обескровливая в них оставшиеся боеспособные соединения. Более того, вчера сам Манштейн приказал наступать своим частям, отбросить большевиков от Двинска – удар провели накоротке, словно репетируя будущее наступление, и территория плацдарма увеличилась втрое. Еще один короткий нажим, и путь на Резекне был бы открыт, но командир 56-го корпуса не стал делать столь опрометчивого шага, опасаясь испугнуть русских.

Летняя ночь коротка, и генерал посмотрел на алеющее у самого края небо. Уже не будут повторяться прошлые атаки, не потому что большевикам урок не впрок, как русские сами любят говорить, а сами немцы перейдут в наступление с решительными целями.

Вечером в распоряжение Манштейна подошла моторизованная дивизия СС «Тотенкопф», теперь все три подвижные дивизии его корпуса ударным кулаком через час проломают сшитый на живую нитку большевицкий фронт. И можно смело наступать дальше на Резекне, потом на Остров, имея в тылу приданную корпусу 290-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта барона фон Вреде. Вчера вечером со своего двинского плацдарма уже ударил 41-й моторизованный корпус Рейнгардта, он подойдет сюда с левого фланга, и тогда вся единая 4-я танковая группа намного быстрее проложит себе дорогу к укреплениям Пскова и Острова, сокрушит их с ходу, двинется дальше на Петербург, Северную столицу этой варварской России.

Ждать больше нельзя, время драгоценно и уходит без всякой пользы для германского Рейха! Тут ведь не Троя, чтобы в здешних местах не то что десять лет, а лишний день топтаться попусту!

Эрих фон Манштейн еще раз посмотрел на подсвеченные алеющим на востоке небом облака над своей головой – до рассвета оставалось полчаса, не больше, дождя не будет, погода самая подходящая для наступления. И в пять часов утра грохот десятков германских орудий проложит дорогу вперед его танкам и мотопехоте. И не сдержавшись от нетерпения услышать канонаду, он произнес глухо, самому себе, словно заклинание:

– Сегодня нужно наступать так, чтобы послезавтра быть в Острове!

Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Гловацкий Восточнее станции Дно

Дверь за спиной резко раскрылась, да так, что Николай Михайлович от неожиданности вздрогнул и машинально прижал ТТ к груди, позабыв про баловство с оружием. Других бойцов за это всегда наказывал, а тут сам как мальчишка попался, стыдоба!

В купе чуть не влетела черноволосая женщина в белом медицинском халате, накинутом сверху на обычное солдатское «хэбэ». И в сапогах, стук от которых перекрывал грохот колес, как ему показалось в первую секунду. У нее, видно, там ступни болтались, как карандаши в стакане, хоть и небольшие «яловики», но уж больно она была маленькой. Сам Гловацкий, бывший что там, что здесь тоже невеликого росточка, ощутил себя рядом с этой пичужкой настоящим гигантом.

– Товарищ генерал, не нужно себя убивать! Не все женщины такие, вы еще найдете себе по сердцу! Их ведь больше, намного больше, они любящие, верные, добрые и не порченые суки! Не нужно вам стреляться! Милый мой, хороший, не надо этого делать!

Гловацкий оторопел – такого с ним никогда в жизни не было. И впал в протрацию, не в силах шевельнуться. Снизу вверх на него смотрели ее глаза с влагой на ресницах, словно капельками росы. Со страхом и тоской глядели, с вечной скорбью гонимого народа. Вытянутое личико чуть портил характерный природный нос, губы дрожали, голосок тонкий. Ее можно было принять за школьницу, но это была женщина лет тридцати, вполне зрелая, с хорошей спортивной фигурой, изуродованной солдатским обмундированием не по размеру, что болталось на ней, как азиатский малахай, даже весьма туго затянутый командирский ремень был не в силах придать этому непотребству пристойный вид воинской униформы.

– Я все слышала, товарищ генерал! Ничего страшного, это болезнь за вас говорила. Таки болезнь! У вас инсульт случился в уборной, небольшой удар, от которого затмение рассудка может быть. Но это пройдет! Я знаю, в ту войну медсестры во Франции с ранеными, чтоб их к жизни пробудить, в соитие с ними вступали...

Даже в сумраке Гловацкий увидел, как покрылось румянцем ее бледное лицо, но пока он не осознал в полной мере услышанное, пребывая чуть ли не в коматозном состоянии. А женщина прижалась грудью к его руке, в которой он продолжает держать пистолет, стала целовать его своими сухими губами где придется, продолжая беспрерывно говорить, что твой пулемет, и при этом энергично гладить одной рукой, а второй расстегивать пуговицы на своей гимнастерке, под которой белела нательная рубаха.

– Это безнравственно, мне стыдно, но я ваша полностью. Вы сбросите напряжение на мне, войдете в меня, вам лучше станет! Я помогу, милый мой, хотя ни разу так вот... Хороший мой, что бойцы подумают, если их комдив вот так запросто пулю себе в лоб... не надо! Я ваша! Сейчас помогу, сейчас, потерпите немного, милый мой! Сейчас, сейчас...

Гловацкий продолжал стоять застывшим столбом от потрясения, не в силах шевельнуться: такого с ним в жизни никогда не было, да и не слышал, чтоб случалось. До его разума стало понемногу доходить, что говорила ему женщина. И багровый румянец наверняка покрыл его щеки, такого жгучего стыда за себя он никогда не испытывал. Но Николая Михайловича ждало еще большее потрясение, когда вместе со своими последними словами женщина расстегнула на себе ремень, одним рывком сумела стянуть через голову и рубаху, и гимнастерку. Следом упали на пол купе и штаны с кальсонами, будто сами по себе свалились с тонкой осиной талии, отлетели под столик и солдатские сапоги с торчащими в них портянками.

Гловацкий оторопело смотрел на обнаженное перед ним тело, стройное и красивое, с крепкой маленькой грудью никогда не рожавшей женщины.

– Сейчас, милый мой! Вам сейчас лучше станет, я помогу. У вас тысячи бойцов, а их дома матери, жены ждут. Вы должны ими хорошо командовать, а это... Это будет правильно, не стыдно, войдете в меня, и сразу же станет лучше. Сейчас я вам помогу, сейчас...

«А ведь она «баюн», хороший, опытный переговорщик! Таковую роту надо брать немедленно. Бутафорит, но как натурально, даже я поверил! Нет, ну уболтала совершенно, в режим «зависания» перевела, на полную катушку фактор отвлечения задействовала. Так, молодец, тебе сейчас оружие от себя отводить нужно и брать психа тепленьким!»

Хотя Гловацкий продолжал стоять столбом, но способность мыслить вернулась, в омовском ракурсе, ведь сколько, не к ночи будь упомянуты лихие девяностые, он со своими бойцами операций по задержанию всякого преступного элемента произвел, и подсчитать невозможно. Такое ощущение, что полстраны тогда в криминал ухнуло не только по телевизору, и в мыслях, и своих поступках. Ведь тех же заложников куда чаще брали не бородатые суровые дядьки с автоматами, а иные субъекты, по роду занятий совершенно разноплановые. Тут урки и теребень хулиганствующая, психи конченные и наркоманы, от них отличий порой совсем не имеющие, доведенные нищетой работяги и многие другие, включая немало чиновника обладминистрации, что с охотничьим ружьем в руках нахрапом и побоями взял в заложники собственную тещу, капитально повредившись своим рассудком на почве неумеренного потребления горячительных напитков.

Так что, прикажете на каждый случай «Альфу» из Москвы вызывать, ну, право слово, тут даже не смешно. Здесь областного СОБРа не дозовешься, ну а какой спецназ может быть в затерянном в таежных дебрях каком-нибудь сибирском «гадюкинске»? Потому и специализировался майор Гловацкий со своей ротой на операциях по освобождению заложников и задержанию особо опасных бандитов, что пускали в ход стволы без размышлений, таких в те суровые времена отпетая братва побаивалась, «отморозками» называла, «беспредельщиками конченными».

Это сейчас ОМОН втихую на «массовые беспорядки» перевели, тогда он делом занимался, людей от распоясавшегося криминала спасал. Отметин на теле от этих вот спецопераций у его бойцов куда больше было, чем от кавказских командировок, а награды крайне редки, не давали их за спасение простых обывателей. Вот и приходилось выкручиваться, чтобы потеря выпадало поменьше, своя кровушка ведь не водица.

Женщины тут как нельзя кстати. Кто из бандитов, увидев заплаканную смазливую мордашку, решит, что за ним группа захвата пожаловала?! Или не отвлечется на вовремя проделанную «обнаженку», или, заставляя, как ему казалось, шлюху оказать секс-услугу, через секунду полностью лишиться сил и сознания от дикой боли, потому что драгоценные «висюльки» из круглых мгновенно превратились в квадратные.

Сейчас профессиональная подготовка, или деформация, любой выбор правилен, сыграла с ним злую шутку – напросто забыл, где и кем является, включился механизм его прежней деятельности, возможно запущенный в ход «переносом». И потому Гловацкий уже с интересом наблюдал за обнаженной женщиной, не испытывая к ней ни капли мужского вожделения.

– Сейчас будет хорошо...

Тугие жаркие груди прижались к ладони, все еще сжимавшей ТТ. Да, все правильно, не один мужик сделать выстрел ни в нее, ни в себя не сможет. И маленькие пальчики ловко овладели пистолетом, мгновенно положив его на стол. И Гловацкий подумал, что сейчас должен последовать удар острой коленкой в пах, этого просто увидеть не сможет, потом или ребром ладони по шее, или сложить крепкие пальчики в «клюв» и в кадык, выводя объект из строя. И с тупой покорностью фаталиста стал ждать атаки, понимая, что это будет хорошая плата за собственную дурость.

Но теплые ладошки взяли его совершенно безвольную и бессильную руку, накрепко прижали к пышущим жаром, как ему показалось в первую секунду, тугим, как резина, округлостям.

– Сейчас, милый, ложись на меня... я помогу...

Голос женщины стал хрипловатым, она с закрытыми глазами легла на диван и при этом, и откуда силы у нее взялись, столь маленькой и хрупкой, повалила Гловацкого на себя, продолжая крепко прижимать его руку, сильно вдавливая ее в свою плоть. Широко раздвинув ноги и согнув их в коленках, она принялась стягивать с него штаны, что было очень трудно сделать под навалившимся сверху тяжеловатым мужиком.

И тут Николая Михайловича, что называется, «пробрало» до последней косточки. Такого беспредельного стыда еще не испытывал, буквально сгорал от него, и в его безвольное прежде тело словно влилась сила, разгоняя кровь. И язык зашевелился во рту, подыскивая нужные слова. Но первым делом он скатился с дивана на пол, словно от обстрела в окоп.

– Простите меня, милая, хорошая. – Он горячечно заговорил, словно сам вел переговоры, а она была психически больной. – Вы добрая, нежная, такой женщины я никогда в жизни не встречал. Всю жизнь мечтал, что встречу вас, такую желанную, любимую. Всю свою жизнь! И мы всегда будем вместе. Поднимите ручки, радость моя!

«Какой же я кретин! Не за льготы и бабки, не за блат она под меня тут легла, не за машину, квартиру и положение, как наши бабы. А потому, чтоб истерик-генерал своими мозгами потолок купе не заляпал – это же гнетущее впечатление на всю дивизию будет! Как бойцы воевать будут, если комдив перед боем себе пулю в голову пустил?! Или еще хуже – легла под него лишь из жалости к бойцам, которых неврастеник по дури и неудовлетворенности своими приказами штабелями положит в idiotских атаках на пулеметы. Да, так, она же мне про жен и матерей говорила. Боже ты мой, за кого она меня принимает?! Крикливый младенец самый лучший вариант, такие все мужики в истерике, женщине надо в этом случае давать им грудь, чтоб чмокали и молчали. Стыдобища на мою седую голову!!!»

Костеря себя самыми последними словами, Гловацкий сделал то, что считал раньше невозможным по определению. Ему доводилось избавлять от одежды женщин, но никак не одевать их, тем более при такой ситуации, да в безумных обстоятельствах свершенного «переноса». Въедливый старшина из курсантской юности остался бы довольным, наверняка Николай Михайлович сейчас побил все могущие быть выдуманными нормативы. Раз – и поднявшая руки женщина мгновенно облачена в нательную рубашу и гимнастерку, да так быстро, что не то что сообразить, глаза свои открыть не успела. Два – подхватив под поясицу маленькое тельце, он быстро надел на нее кальсоны и штаны, при этом почти мгновенно пройдясь пальцами по всем завязкам. Тут женщина открыла глаза, но сама впала в полный ступор, даже дышать перестала. Три – оправил гимнастерку, стянув складочки под бока, и туго перепоясал ремнем тонкую талию, машинально отметив, что такой пряжки со звездой никогда не видел. И при этом говорил искренне, напористо, испытывая к военврачу, а эмблемы с чашей и змеей на малиновых петлицах с одинокой рубиновой «шпалой» о том говорили, самое настоящее почтение, благоговение как к величайшей драгоценности в мире. И оно так и было с ним, даже боялся хоть случайно прикоснуться к нежной коже, чтобы этим касанием не унижить женщину.

– Где вы были раньше, боль моя? Радость моя нечаянная, почему мы не встретились? Простите меня за этот срыв, простите великодушно! Я сейчас себя таким мерзавцем и подлецом чувствую...

И тут осекся, ощутив, как его переполняет счастье. Пусть не в том мире, но в этом нашел ту, ради которой стоит жить, воевать и умирать. Да, умирать – 3 августа, как и сказал старик сетту, день в день они оба умрут, два Гловацких в одной оболочке. Весь вопрос в том, как принять эту старуху с косой? Только в бою, с оружием в руках, на рывке, в котором не страшно погибель принять! Прав известный пролетарский писатель: «Лучше умереть под красным знаменем, чем под забором!» А он присягал Советскому Союзу и теперь выполнит данную присягу до конца!

– Любовь моя, спасибо! Я так счастлив!

И подхватив женщину на руки, удивившись легкости ноши, всю жизнь бы так носил, бережно усадил ее на диван. И, посмотрев на лицо, поспешно увел взгляд – большие глаза ее стали просто огромными, их переполняли слезы. Но почему она плачет? Не в силах ответить на этот вопрос, Гловацкий встал на колени перед ней и взял яловые сапоги из грубой кожи.

– Как же их носите? Намного больше размера вашей маленькой ножки! Очень тяжелые, вам ведь хрозовые положены!

– Обмундирования на женщин не было на складе, солдатское выдали, сказали, ушить можно, товарищ генерал, – голос прозвучал тихо, со всхлипом, от стыда Гловацкий боялся поднять глаза и с преувеличенной бодростью заговорил, стараясь спрятать собственное смущение:

– Решим вопрос, пусть тыловики лишний раз пошевелиятся. На свои ступни вы неправильно портянки намотали. Ножки собьете себе махом, до кровавых мозолей. К вам бойцы пойдут за лечением, дурней везде хватает, кто мотать их не умеет! Вы ведь хирург?

– Почему вы так решили, товарищ генерал?

– Волос короткий, подбирать не нужно, следовательно, при операции падать в рану не будут. Пальчики тоненькие, но сильные, движения быстрые и координируемые – но не пианистка же вы? И в кармане гимнастерки то ли скальпель, то ли стилет в чехле. – Гловацкий пожал плечами, отметив, что национальность определил верно, только один народ в мире имеет привычку отвечать на вопрос вопросом.

– Скальпель, он отцовский, из золингеновской стали. Сам дал его, когда меня в госпиталь определили.

– Пошли по его стопам? Это хорошо, преемственность в такой нужной профессии дает прекрасные результаты. А теперь смотрите, как портянку мотать. – Николай Михайлович акку-

ратно расстелил на полу ткань, поставил маленькую ступню, на ладони уместится, а от прикосновения к ее коже он вздрогнул, будто электрическим разрядом пробило, губы сразу же пересохла. Но кое-как справился с волнением. – Смотрите, загибаем уголок сверху, вот так. Теперь наматываем на ножке маленькую «куколку», ведем к щиколотке, а тут кончик и заправляем.

Она глядела внимательно и вторую ножку при его помощи обмотала правильно, при этом наклонившись и коснувшись его плеча грудью. От этого случайного прикосновения Гловацкого цыганский пот пробил, чуть не взвыл – ему хотелось ее обнять, нацеловаться до одури, но это же насилие, просто нагло воспользуется положением и станет мерзавцем уже законченным. Но сумел снова взять себя в руки и встал.

– Спасибо вам, товарищ...

Он хотел назвать ее по званию капитаном, ведь по одной «шпале» в петлицах, но в мозгу словно всплыла своевременная правильная подсказка. Это походило на Интернет, где по запросу быстро приходит ответ. Николай Михайлович тут же договорил прерванную фразу:

– Военврач третьего ранга. И спасибо вам за все, что вы для меня сделали!

– Разрешите идти, товарищ генерал?!

Гловацкий изумился: на него с неподдельной яростью и нешуточной обидой смотрели моментально высохшие от слез глаза. Голос стал настолько сух и жесток, что он сумел лишь промямлить в ответ:

– Идите, товарищ военврач...

Женщина вышла из купе, но не хлопнула дверью, а, сдержавшись, тихо ее закрыла. Николай Михайлович лишь покрутил головой, кляня себя на сто рядов и понимая, что смертельно обидел это пленительное сердцу создание. Но как? Чем? Что ему нужно было сделать, чтоб не расстаться так? Может, объяснить, что время нужно прямо позарез, дивизия, как знал, есть огромный механизм, а он лишь ротный да месяц сводной группой командовал, а та на батальон еле тянула. Тут каждый час дорог, чтоб в курс дела войти. И все же не то нужно было ей сказать, но что и как?!

– Все же вы дурака изрядно тут сваляли, товарищ генерал, – Гловацкий сокрушенно помотал головою, искренне переживая за случившееся, – даже ее имени спросить не удосужились...

Начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Кленов Псков

– Рига вчера оставлена, сегодня Резекне, мехкорпус Лелюшенко разбит. Это катастрофа...

Сильно поседевший всего за последнюю неделю генерал дрожащими пальцами расстегнул китель, судорожно вздохнул, задыхаясь, ему не хватало воздуха. Сейчас, наклоняясь над расстеленной на столе картой, испещренной синими стрелками глубоких вражеских прорывов, Петр Семенович осознал кошмарные размеры случившегося поражения.

Фронта как такового не существовало, весь буквально рухнул на всем своем протяжении. Последняя надежда еще теплилась в душе на удержание позиций вдоль правого берега Западной Двины, которую латыши называют Даугавой. Ведь это удалось в ту первую войну с германцами, когда молодым подпоручиком, только что окончившим Владимирское пехотное училище, он прибыл на фронт в страшном 1915 году. Во время «Великого отступления» часто казалось, что случилась чудовищная катастрофа, только тогда не знал, что произойдет спустя четверть века, сравнить было не с чем. Ригу и Минск удержали, наступавшие на них стальным катком германские армии, имевшие чудовищное превосходство в артиллерии, особенно в тяжелой, буквально завязли в кровопролитных боях, пытаясь проломить хотя трещавший по всем швам фронт порядком потрепанных и обескровленных русских дивизий, но так и не дрогнувший под могучим тевтонским натиском.

А ведь не хватало снарядов и патронов, настоящий «голод» терзал не только в боеприпасах, но и в оружии. Пулеметов было намного меньше, чем пушек, винтовка приходилась на двух солдат. Из огромной безоружной толпы пехотинцев, едва-едва обученных в запасных батальонах, вполне серьезно предложили сформировать особые роты с аналогами средневековых алебард – обычными топорами, что были у саперов и обозников, насаженными на длинные рукоятки. И ставить вот такие фактически безоружные, а потому и бесполезные подразделения на прикрытие артиллерии.

Но что тогда не удалось проделать Гинденбургу, сейчас совершили его наследники спустя 26 лет. Всего за каких-то десять дней фашисты захватили ту же территорию, что русская армия оставила с боями за полгода. И он сам, бывший штабс-капитан Императорской армии, а ныне ставший начальником штаба фронта, тоже внес лепту в столь чудовищный разгром, случившийся отчасти и по его самого отнюдь не маленькой вине, как неделю назад открыто упрекнули на военном совете.

Ищут крайних, извечный русский вопрос уже стоит во всей остроте – кто виноват?!

А тут искать нечего – вина командования СЗФ нарисована на карте, и спросят с него строго, ведь Москва слезам не верит, даже тех, кто выполнял ее приказы, бессмысленные и вредительские в те первые дни войны. Да оно и понятно, не будет же Сталин, который отдавал эти распоряжения, обвинять себя. Да и советники у него под стать – маршалы Ворошилов и Тимошенко, не отмеченные никакими военными талантами, полководцы доморощенные с образованием в два класса приходской школы.

Стратеги подкованные из 1-й конной армии! Лучше бы лошадям под хвосты заглядывали!

– И что делать?

Извечный русский вопрос вырвался поневоле у измученного болезнью генерала. Разгромленные в приграничном сражении войска отступали, уже не пытаясь удерживать предназначенные для обороны рубежи. Потеряно более тысячи танков, немцы словно не заметили яростных контратак этой стальной лавины. В отходящих под натиском врага стрелковых дивизиях осталось по три тысячи человек, хорошо, если активных штыков в таких соединениях на один полнокровный батальон наберется. Линию обороны по Западной Двине 8-я армия своими силами никак не могла удержать, несмотря на директивы из Ставки и грозные приказы командования. Сбить врага с плацдарма под Двинском, захваченного уже 26 июня с целыми мостами, которые не успели вовремя взорвать, не удалось. Наоборот, немцы захватили еще плацдарм у Крустпилса, потом другой у Ливаней, а сегодня начали наступление оттуда большими силами танков и мотопехоты – плацдармы сегодня «вскрылись», противнику удалось в считанные дни перебросить на них достаточное число подвижных дивизий.

Чем их остановить?

В сражение введена находившаяся во втором эшелоне 27-я армия, без ощутимой пользы, а то и впустую, истрачены последние резервы фронта – 21-й механизированный и 5-й воздушно-десантный корпус. Понесла потери и отброшена также свежая 112-я стрелковая дивизия из занявшей Полоцкий УР 22-й армии. Хуже того, так и не выбив немецкие танки с захваченного ими стратегического плацдарма, эти соединения совершенно обескровлены в ходе ожесточенных боев.

Какие уж тут резервы?! Нет их!

Про 11-ю армию в штабе фронта не знали уже несколько дней – части генерала Морозова, попавшие под страшный массированный танковый удар левого фланга германской группы армий «Центр», разгромлены начисто, их остатки панически бегут, вроде бы к Полоцкому укрепрайону. Связи с нею нет, впрочем, как со многими другими соединениями. Управление войсками практически утрачено, все кругом смешалось в невероятную толчею – штабы всех

уровней, от армии до дивизии, отступая с войсками, постоянно меняют места дислокации, на время которой их соединения и части предоставлены собственной судьбе.

За эти дни штаб фронта сам переместился несколько раз, оказавшись вчера уже в Пскове, за шестьсот верст от государственной границы, в своем глубоком тылу, как казалось еще девять дней тому назад, а сейчас уже в прифронтовом городе. И в очередной раз потеряно управление армиями. Где командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов, никто не ведает. Вроде бы отстал по дороге от штабной колонны, наводя порядок в отступающих частях, и вся ответственность за приказы теперь лежит на нем как начальнике штаба.

Три дня назад они с командующим уже здраво оценили ситуацию и масштаб разразившейся катастрофы и оба осознали наконец, что удержать немцев на Двине никак не удастся. А потому Кузнецов приказал поспешно отходить в Полоцко-Себежский и Псковско-Островский укрепрайоны, видя только один выход из создавшегося критического положения – сохранить уцелевшие стрелковые дивизии, отвести их как можно быстрее. Оторваться от преследующей немецкой пехоты и упорной обороной вдоль реки Великой как можно дольше сдерживать дальнейшее продвижение германских армий на старой советской границе, где вытянуты длинной цепью железобетонные коробки ДОТов укрепрайонов, построенные еще в тридцатые годы.

В усиление к ним отвести еще не введенные в бой свежие 22-й и 24-й стрелковые корпуса, каждый в две дивизии. Вот только эти территориальные формирования, набранные из эстонцев и латышей, крайне ненадежны, в них растет дезертирство, антисоветское восстание в частях может вспыхнуть в любой час. А так, может, удастся прополоть в них изменников и пополнить уроженцами русских областей, сделав их боеспособными.

Ставка согласилась на отвод, более того, сюда же должны подойти и резервы из МВО – 22-я армия генерала Ершакова в первый, 41-й стрелковый корпус генерала Кособуцкого во второй УРы – девять свежих стрелковых дивизий. К Пскову также отправились две дивизии 1-го механизированного корпуса, срочно переданного из состава войск Северного фронта.

Только все запланированные в далекой Москве сроки безжалостно срывались – уже сегодня части должны прибыть в Псков и занять оборону, вот только 41-й корпус где-то продвигался по железной дороге эшелонами. А мехкорпус, как доложили, оставив по шоссе десятки сломавшихся танков, сейчас перевозили по железной дороге от Ленинграда обратно в УР, к местам своей прежней дислокации в треугольнике Порхов – Псков – Остров.

Вчера обухом по голове ударила зашифрованная телеграмма из Москвы – Ставка запрещала отход от Двины и потребовала удерживать ее северный берег 3–4 дня для выигрыша времени, что требуется для создания обороны по реке Великой. А ведь войска находятся на марше, они сюда и отступают. Но приказы не обсуждают, и с болью в сердце он распорядился вчерашним вечером возвращаться частям на прежние позиции, а утром с захваченных плацдармов ударили немцы.

Какая каша там сейчас творится, Кленов боялся представить: нет ничего страшнее, чем застигнутые врасплох уставшие стрелковые дивизии, прямо на марше встреченные атакой вражеских танков. Генерал понимал, что совершил и другую ошибку – приказал разыскать и отправить эшелонами на Резекне через Остров, опять же по категорическому требованию Ставки, 163-ю моторизованную дивизию из 1-го мехкорпуса. Ее нашли, первые эшелоны ушли в ночь из Острова, а теперь он с нарастающим в душе ужасом понял: наши танки и мотопехота даже не успеют разгрузиться из вагонов, немцы их просто атакуют на линии железной дороги, и все закончится еще одним чудовищным разгромом.

А ведь он сам приказал усилить дивизию десятью новыми тяжелыми танками КВ, только что прибывшими с Кировского завода. Эти 50-тонные махины с платформ просто не успеют снять, и они совершенно бесполезно погибнут. А ведь и это ему поставят в перечень будущих обвинений, скажут, что не разобрался в обстановке!

– На чужой территории, малой кровью, могучим ударом...

Генерал Кленов скривил губы, припомнив довоенную доктрину. Ладно бы один Северо-Западный фронт потерпел бы жуткое поражение, нет, везде советские войска пятились или даже бежали. Повсеместно отступали перед врагом, потерпев не какие-то мифические временные неудачи, как сообщает Совинформбюро, а пережив настоящий разгром. Отошли не только к старой границе, но в центре, на Западном фронте, и на Украине перешли ее. Значит, не в одной армии дело, а в бездарном руководстве.

– Рыба гниет с головы, а дерут ее с хвоста, – еле слышно прошептал про себя Петр Семенович, горько усмехнулся, сломленный накатившим чувством тоскливой обреченности. И вздрогнул, когда в дверь постучали и в кабинет вошел дежурный связист по штабу фронта.

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант! Только что получена срочная радиограмма из Ставки!

Майор протянул Кленову листок бумаги, четко повернулся и вышел. Начальник штаба смертельно побледнел, прочитав несколько рядов строчек. Они с Кузнецовым снимались со своих постов, но обязаны были командовать войсками фронта до 4 июля. Вместо потерявшегося комфронта назначался командующий 8-й армией генерал-майор Собенников, что жестко выступил с критикой в его адрес на том военном совете, а новый начштаба прибывал из Москвы – начальник оперативного управления Генштаба генерал-лейтенант Ватутин. Прочитав эту фамилию, Петр Семенович, прекрасно зная порядок назначений, окаменел от предчувствия неминуемой беды: если из Москвы срывают заместителя генерала армии Жукова, то Сталин считает виновником не командующего фронтом, а его самого, начальника штаба!

Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Гловацкий Близ Пскова

Николай Михайлович удобнее уселся на мягком диване – для штаба дивизии выделили плацкартные вагоны, а вот ему и заместителям прицепили личный вагон какого-то железнодорожного начальства, чуть ли не из самой Москвы. Все остальные бойцы и командиры вверенной ему дивизии ехали в длинной веренице теплушек с характерными надписями на стенках, хорошо известными по кинофильмам – «40 человек, 8 лошадей», причем кое-где проглядывались уже давно отмененные старорежимные «яти», пусть наспех и замазанные зеленой краской.

До Пскова оставалось всего ничего, рукой махнуть, проехали станцию Карамышево. Еще час, и головные эшелоны 398-го стрелкового полка с его штабным во главе начнут въезжать на станцию назначения – древний город-крепость Псков, о который всегда разбивались полчища желающих русской землицы и добра. Достаточно вспомнить польского короля Стефана Батория, что обломал здесь зубы, или праздник рождения РККА 23 февраля 1918 года, когда здесь остановили немцев 23 года тому назад. И пусть не совсем так было, дело не в том – а что день Защитника Отечества необходим, в этом сам Гловацкий не сомневался.

Так что не зря сюда ехали теплушки, набитые до отказа вооруженными бойцами и командирами. Автомобили, артиллерию, трактора, пароконные повозки, зарядные ящики – сотни единиц, так сказать, сих крупногабаритных грузов везли на открытых платформах, тщательно укрыв брезентом. Ящики со многими тоннами боеприпасов загрузили не только в теплушки, но и в наспех поданные, все в черных разводах «углярки». Да еще в такие же, но уже наскоро отмытые, втолкали груды прессованного сена – фураж лошадям, которых три тысячи голов, и все, что тут странного, кушать постоянно хотят, не люди, на голодном пайке таскать пушки не станут.

– Мы и так безнадежно опаздываем, – недовольно пробурчал про себя Гловацкий и зачем-то посмотрел на часы, будто это как-то могло немного ускорить движение ползущего черепашьям галопом эшелона. Встав с дивана, Николай Михайлович посмотрел в распахнутое окно – в вагоне было душно, генерал сам опустил стекло, используя в качестве ключа ствол Нагана, который нашелся в чемодане. Насадив его на «тройник», легко повернуть и, крепко

надавив, можно опустить оконную раму, отворив дорогу освежающей лицо прохладе и бодрящему ветерку.

Такова российская действительность, существующая независимо ни от власти, ни от времени – кондуктора и проводники вагонов зачем-то постоянно защелкивают окна, словно сквозняк – самая страшная беда вроде мора для пассажиров. Вот только для нынешних постояльцев вагонов простуда не есть зримая опасность: пулеметы, обстрелы и бомбежки куда страшнее людям в защитного цвета гимнастерках, так что и окна плацкартных вагонов, и двери теплушек были распахнуты настежь.

День принес огромные хлопоты, которые раньше и представить было нельзя, но Николай Михайлович успешно вживался в новый для себя мир – так ему не только казалось сейчас, но и было на самом деле. Правда, штабные командиры быстро отметили странности в его изменившемся поведении, но объяснение того было у всех на уме. Что такое «удар» или insult, знали все прекрасно, слишком часты были в это чересчур нервное время и выкашивали отцов-командиров, партийных и советских работников целыми шеренгами, куда там вражеским пулеметам, даже допайки из спецраспределителей мало помогли сохранить здоровье номенклатуре.

За 1937–1938 годы у всех нервных клеток сгорело до жути, каково это каждую ночь вздрагивать от каждого стука, зная, что на тебя могут в любое время «настучать» коллеги и соседи, да та же супруга, друг или приятель, и придет за тобою пресловутый «черный ворон». А там недобры молодцы в фуражках с васильковыми тульями, подхватив за ручки, отвезут в казенный дом. А уж любое признание могут запросто вышибить, даже в том, что сам лично помогал Гришке Отрепьеву поляков на Москву вести. И это отнюдь не шутки – такие дела порой людям «шили», что просто закачаешься. Хорошо хоть этих «портных» – умельцев Ежова самих в «расход» повывели, вместе с маленьким наркомом, когда Лаврентий Берия НКВД возглавил, вот с ним намного спокойнее в стране стало, огульных обвинений уже не предъявляли, старались разобраться в каждом случае.

Тут Николай Михайлович опирался не только на знания – в годы так называемой перестройки много чего было вывалено на страницы газет, которые тогда захлеб читали, но и на ощущения настоящего Гловацкого, личность которого никуда из тела не делась, просто была подмята, если так можно сказать, его собственной «матрицей». Альтер эго активно делилось знаниями и мыслями, да так, что уже через пару часов Николай Михайлович их от собственных отличить не мог. Вот такой получился странный симбиоз из генерала РККА и подполковника ОМОНа, разделенных временем на 76 лет, но слитых, спаянных воедино. Вот только эмоции остались собственные. Своими личными чувствами запертый внутри души настоящий комдив с ним не пожелал делиться или не смог.

К удивлению Николая Михайловича, тот Гловацкий оказался не просто грамотным генералом, но и прилично образованным, и толковым. Полный курс гимназии и два года учебы в университете, школа прапорщиков в 1916 году, затем в 1922 году знаменитые среди военных даже в современной РФ курсы «Выстрел». С изумлением, порывшись в чужой памяти, он словно воочию увидел одного известного белого генерала – Якова Слащева, или Хлудова, из старого советского кинофильма «Бег», снятого по произведению Булгакова. И даже смог «побывать» в памяти на давно проведенных занятиях: что можно сказать – великолепный тактик, вот только человек со странностями, но у кого их нет?!

Затем учеба в Военной академии имени Фрунзе, оконченная по первому разряду, и медленный подъем по служебной лестнице более десяти лет – от начальника штаба полка, дивизии и корпуса до назначения командиром стрелковой дивизии известной ОКДВА, что противостояла японцам, которые заняли Маньчжурию, в Приморье. И за один год сумел подготовить и вывел ее в передовики, сделав в армии первой по боевой подготовке! Только это одно о Гловацком много говорило.

Вот только военный опыт его визави довольно специфический. На Первой мировой не был, в запасном полку тогда служил, близ Москвы, но пулеметчик отличный, сам умел, других научить мог. В Гражданскую войну больше логистикой тыла занимался, военное имущество распределял, да на курсах Всеобщего преподавания преподавал военное дело. Собственно боевой опыт получил под Тамбовом, командуя батальоном против совершавших рейд донских казаков генерала Мамонтова, а потом ожесточенно сражаясь против местных повстанцев-«антоновцев», под командованием расстрелянного в 1937 году будущего маршала Тухачевского, с которым потом еще не раз встречался за время военной службы.

Да уж, с незаурядными людьми его судьба сводила!

По окончании «Выстрела» отправился в Монголию – вот там пришлось повоевать с разной публикой. Тут еще сражались унгерновцы, казаки атамана Семенова – сразу занял шрам от удара пашки, что разрубила полевую сумку и резанула бедро. Вроде чужая отметина на теле, но ноет, как своя. Да и сами монголы рубились друг с другом яростно, многие князья-нойоны не хотели признать красную власть Сухэ-Батора и имели отряды воинов-цириков, так что бои шли нешуточные, за них и награжден самим Чойбалсаном, ставшим преемником отравленного Сухэ, монгольским орденом Красного Знамени. Потому-то после боев на реке Халхин-Гол, когда советских командиров тот же Чойбалсан, ставший маршалом Монголии, стали массово награждать этим орденом, многие стали считать, что и Гловацкий воевал там, но его награда на полтора десятка лет старше, одна из первых.

В 1936 году получил Красную Звезду, фактически за выслугу в рядах армии, а в 1938 году орден Красного Знамени, когда после успешных боев с японцами у озера Хасан на командиров ОКДВА пролился настоящий «наградной дождь». Чуть раньше украсила грудь юбилейная медаль «XX лет РККА» на прямоугольной старой колодке. Награды, весьма значимые для того времени, но вот только боев с врагом умелым, технически оснащенным соответственно у него не имелось. Впрочем, как и у самого «перенесенного» Гловацкого – в противниках была примерно та же публика, пусть умелая и жестокая, но типа повстанцев-«антоновцев», казаков сумасшедшего барона Унгерна или диких монгольских чахар с баргутами. То-то и оно, обстреляны оба, но с танками и авиацией супостата не сталкивались, всегда со своей поддержкой в их виде воевали. А это могло выйти боком, тут сам Гловацкий не обольщался и на знания своего внутреннего «второго я» не рассчитывал. Но ведь имеются и постзнания, его самим полученные, пусть обрывками, пусть урывочно, но они есть.

Ведь что такое дивизия ВВ – внутренних войск – в советское время?

По сути те же общевойсковые мотострелковые части, соответственно и оснащенные БМП, БТР и прочей техникой, включая гаубицы Д-30, пусть и выполняющие еще дополнительно весьма специфические задачи. В училище курсантам хорошо преподавали военную и тактико-специальную подготовку, гоняли как проклятых, так что даже из пушек стреляли пусть не на уровне кадровых «богов войны», но вполне пристойно, намного лучше «пиджаков» с военных кафедр гражданских вузов. Теория с практикой в памяти и навыках имелась, забили туда накрепко, как рефлекс, только нужно было извлечь и суметь их с толком использовать.

Ведь не шутка – в дивизии 14 с половиной тысяч человек, три тысячи лошадей, более полутысячи одних только грузовых автомобилей. Добавим полтораста орудий, из которых только тяжелых гаубиц 44 штуки калибром 122–152 мм, сотни повозок, плавающие танки, броневые автомобили, легковушки с мотоциклами, многотонные груды фуража и продовольствия, снаряжение всех видов, бензин, тракторы, те же бронированные тягачи «Комсомолец» для «сорокапятков», два обязательных боекомплекта и многое, многое другое, что положено по утвержденному штату.

Вот и выходит целых 33 эшелона, буквально набитых под завязку всем необходимым для боя. Ведь один перечень частей и подразделений, которые находятся под командой, внушительный и наводит страх, который лучше было бы обратить против фашистов.

Полков целых пять: 3 стрелковых, гаубичный и легкий артиллерийский. Отдельных батальонов тоже достаточно – связи, разведки, саперный, медико-санитарный, автотранспортный. Имеются под рукою дивизионы – зенитно-артиллерийский и противотанковый. Плюс весьма развитая служба тыла со своим весьма многочисленным хозяйством, где есть место для ремонтников с интендантами, хлебопекарен с шорниками и плотниками, полевой почты с отделением Госбанка и другими подразделениями.

Серьезный боевой организм, функциональный, хорошо продуманный, обеспеченный всем по штату, и даже сверх него. Но, как у нас водится, кое-чего недодали, а некоторых очень важных вещей вообще не имелось. Так, в разведбате вместо роты плавающих танков из 16 боевых единиц только взвод из трех. Из 13 положенных бронев автомобилей не хватало двух. МПЛ-50, тех самых, что именуют «саперными лопатками», едва четверть, гранат – половина от нормы, противотанковых и противопехотных мин жутчайшая нехватка. Инженерный парк как таковой практически отсутствует, колючей проволоки, спирали Бруно и прочего заградительного «инвентаря», включая шанцевый инструмент, кот наплакал горючими слезами.

Все это можно пережить, пусть со скрежетом зубным, но только как обойтись без самого главного?!

Связь – вот ахиллесова пята дивизии да всего 41-го корпуса, куда она входила. Есть целый батальон связи дивизии и роты при полках, имеются телефоны, но нет к ним кабеля ни метра, совсем нет телеграфных проводов к аппаратам, абсолютно отсутствуют любые радиостанции, от батальонов до штаба дивизии, за исключением нескольких штук маломощных танковых, установленных на бронев автомобилях.

И что теперь прикажете делать?! В бою, как по старинке, посыльных посылать и верх оконных казачков?! Так последних по штату не положено в достаточном количестве. И что делать ему, привыкшему к рациям не только для взвода, но желательного для каждого бойца?

На складах Московского военного округа этого не выдали по причине отсутствия. Оставалась слабая надежда, очень хиленькая, что в Пскове, где находились окружные склады, дивизия получит все необходимое. Но на это надеяться нельзя – в стране сейчас идет мобилизация, спешно формируются батальоны для укрепрайонов, выгребут все подчистую имущество и оружие, даже «объедков» не оставят!

Командир 25-го укрепленного района полковник Корунков Западнее Острова

– Такие ДОТы могли здесь так поставить и построить только явные вредители! И куда НКВД смотрел?!

Голос начальника штаба Псковского УРа капитана Низковского дрожал от еле сдерживаемого самого праведного гнева. Его возмущение целиком и полностью разделял и Василий Михайлович. Вот только высказался бы он такими словами, что ни в одном уставе не могут быть прописаны! Да и не сдюжит бумага, и никто публиковать такое не рискнет, печатать на свою голову. Но приходилось раздражение сдерживать волей все три последних кошмарных дня, когда он получил назначение на должность уровского командира.

«Невежды в военном деле они полные! Такое даже злостный вредитель выдумать не может, предатель все же должен выдавать себя за специалиста», – мысль больно резанула по душе, уже истерзанной тягостным зрелищем, и полковник прикусил нижнюю губу, чтобы не начать ругаться во весь голос. В отличие от своего очень молодого начальника штаба командир ПсУРа знал намного больше. Гораздо отчетливее понимал трагедию ситуации, исправить которую он просто не в состоянии.

Да и никто бы не смог на его месте!

– Оставим ненужные слова, капитан, нам здесь воевать и защищать эти позиции, – хриплым, но твердым и уверенным голосом медленно произнес Василий Михайлович и с нескрываемой горечью мысленно добавил: «И умирать, тут уж ничего не поделаешь!»

Протянувшийся почти на 90 километров, от берега Псковского озера до Острова, укрепрайон представлял сейчас жалкое и кошмарное зрелище. В начале тридцатых построили Старо-Псковский УР, надежно прикрывающий собственно город. Полсотни железобетонных ДОТов, хорошо оборудованных по тому времени – вентиляция, электричество, колодцы, склады, связь, – усиливались полевыми укреплениями, которые в случае войны должна была занимать целая стрелковая дивизия, специально расквартированная в УРе. Вот только все доты были пулеметными, на 22 км фронта обороны имелись только три орудийных полукапонира. А потому в землю дополнительно были врыты две дюжины совершенно устаревших танков «Рено», захваченные в Гражданскую войну у интервентов. Они были превращены в бронированные огневые точки, БОТ, как любили сокращать такие наименования военные. Вот только, как в отечестве водится, 37-мм пушки «Гочкиса» и пулеметы установить в башнях не успели или попросту забыли.

А вот 67-километровую полосу до Острова стали строить лишь в 1939 году с целью прикрыть от противника рижское направление. Построили сто девять железобетонных коробок, вот только доводить до ума их не стали – граница отодвинулась на 500 верст юго-западнее, и содержать внутри страны такие сооружения очень дорогостоящая забава, к тому же полностью бесполезная, – кто мог тогда подумать, что через неделю войны враг продвинется к самому укрепрайону?! Посему ДОТы законсервировали, переложив заботу на местных колхозников, а охрану – на милицию. Вооружение демонтировали и передали на окружные склады. Потом большей частью увезли на новую границу, для строившихся укрепрайонов, где его захватили немцы даже не в первые дни, а часы начавшейся войны.

Шесть дней назад, когда Двинск с его важнейшими мостами захватили фашисты, а Красная Армия откатилась к самим предместьям Риги, больше не в силах сдерживать натиск врага, то, как всегда в России и бывает, начальство резко всполошилось, стало предпринимать экстренные меры. К сожалению, очень запоздавшие, их нужно было выполнить намного раньше.

У командования фронта возникла надежда, что может быть, немецкие войска удастся остановить на старой границе, уже на своей земле, среди русского населения. Ведь боевые действия в Прибалтике ясно показали, что чухонцы смотрят волками и стреляют в спины красноармейцам при каждом удобном случае, с нескрываемой радостью встречают цветами и криками марширующих по улицам гитлеровцев.

Протянувшийся почти на сотню верст укрепрайон быстро осмотрела специально созданная комиссия, которая пришла в ужас, признав абсолютно непригодным УР для обороны, кроме Псковского участка, старого и самого короткого. Кроме собственно бетонных коробок ДОТов, не было ничего ни внутри, ни снаружи. Значительная часть дотов занимала отнюдь не наиболее пригодные для обороны «гребневые позиции», позволяющие гарнизонам держать под пулеметным огнем подступы к ним и дороги, а сместилась вниз, в лощины, а потому дистанция стрельбы сократилась до сотни метров. ДОТы не были связаны в узлы с круговой обороной, во многих, построенных на болотистой местности стояло по колено воды. Не имелось ни боеприпасов, ни оружия, ни продовольствия, где все искать, на каких складах, непонятно. Но даже те Максимы, что имелись в запасе, установить было невозможно, хотя амбразуры сделаны из расчета на стрельбу именно из этих пулеметов. Вот только крепления для них сконструированы на французские трофейные «гочкисы» времен Гражданской войны, давно снятые с вооружения Красной Армии и неизвестно где пылящиеся.

Нет, это не вредительство, а собственное, чисто русское разгильдяйство, помноженное на непроходимую тупость! Ведь до такого ни один враг не додумается, тут безмозглые идиоты, полные невежды в военном руководстве настоятельно нужны! Без них в этом деле не обойдешься!

За эти суматошные дни Василий Михайлович спал не более пяти часов, да и то урывками. Сделано было немало – местные колхозники, собранные из сел партийными органами,

бесперывно отрывали окопы и противотанковые рвы с траншеями, ведрами черпали воду из ДОТов, спешно ставили надолбы из вкопанных толстых бревен, делали заграждения. На формирование пяти пулеметных батальонов ушло несколько тысяч мобилизованных псковичей, еще столько, даже не успев получить обмундирование и оружие, возводило второй рубеж обороны вдоль всего правого берега реки Великой, от Острова до выбутских порогов и знаменитого Литовского брода.

Полковник Корунков старался быть везде, всячески подгонял военных и гражданских, физически чувствуя, как стремительно уходит драгоценное время. Вот только как кадровый военный командир УРа прекрасно понимал, что все эти титанические усилия могут пропасть не за понюшку табака, если не будет пехотного наполнения дивизиями 41-го корпуса, которые еще где-то плетутся по железной дороге. Пять пульбатов, вытянутых тонкой линией на 89 км, врага не остановят ни на день. Самое страшное, что нет пушек, хотя слово «артиллерия» имеется в самих названиях уровских частей. Орудийные капониры наспех закладываются мешками с песком и обречены, так же как и многочисленные пулеметные ДОТы.

Танки немцев просто подойдут ближе и расстреляют в упор амбразуры из своих пушек, под их прикрытием пехота обойдет с тыла. Саперы наташат взрывчатки побольше и взорвут вместе с гарнизонами. Такое бывало в войне с финнами на «линии Маннергейма», только подрывали те бетонные коробки наши минеры, а тут все будет наоборот, но с тем же итогом. Для обороны тут нужны пушки, желательнее еще побольше противотанковых орудий, а также минометы и гаубицы, но их-то и не было.

Под Остров Василий Михайлович отправил единственный приданный УРу артдивизион, пусть очень сильный из пяти батарей. Но 20 трехдюймовок образца 1902/1931 г. практически непригодны для борьбы с танками врага. Однорусовый лафет, горизонтальный угол наводки ограничен, главное – нет бронебойных снарядов. В орудийные капониры ставить ему совсем нечего – «сорокапятки» отсутствуют, зато есть откровенное издевательство кого-то из невежд – из складов выдали шесть ископаемых пушек времен сражений с турками под Плевной и Шипкой, к которым невозможно найти снарядов, нет их уже от слова «вообще»! И не годятся они для современной войны, место такой рухляди только в музее!

Три укрепрайона – Старо-Псковский, Ново-Псковский и Островский – связаны воедино. Самый слабый центральный, там на 43 км всего 48 ДОТов, и если его прорвут с ходу, то не выполнят свою роль и другие, на которую они предназначены – остановить идущие на Ленинград вражеские войска. Весь УР есть ворота к нему, выломав которые фашисты растекутся по огромной территории, от Старой Руссы до ленинградских предместий. Выход к реке Волхов и взятие Новгорода равнозначно катастрофе – тут произойдет полная блокада города, дивного творения Петра Великого. А потому нужно забыть про усталость – каждый час сейчас дорог...

Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Гловацкий Псков

«Только прилетели, сразу сели», – слова из песни Высоцкого крутились в голове, и лишь усилием воли Гловацкий отрешился от них. Действительно, то, что было с ним в эшелоне, лишь прелюдия к тому, что должно произойти, к тому главному, для чего вся страна многими годами содержит и кормит кадровых военных ценою усилий миллионов сограждан – остановить и разбить врага, если тот начнет боевые действия.

Вот с этим у Гловацкого было плохо – он совершенно не представлял, как ему предстоит сражаться!

Это не его война, дивизия не его уровень, двигать по карте батальоны он не умел совершенно, ему бы тем самым батальоном командовать, и то с натугой. Нельзя прыгать через ступеньки службы, ни к чему хорошему это не приведет, цена страшна, тяжела своей ношей – отсутствие опыта командира обеспечивается лишней пролитой кровью его подчиненных. А тут в комдивы и в 1941 год – какая, на хрен, победа за счет послезнания, если с немцем на

поле боя еще нужно совладать, здесь самого по этому самому полюшку на гусеницы кишками намотать могут.

Хотелось выругаться в добрый «загиб Петра Великого», но Гловацкий молчал, хмуро глядя в уставшее, совершенно бледное лицо начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта Кленова. Хоть разница в одну звезду на генеральских петлицах кому-то может показаться незначительной, на самом деле лежит огромная дистанция, целая пропасть, примерно как у взводного перед начальником штаба полка. Но они были знакомы со времен академии, тут память многое подсказала, а потому Гловацкого по прибытии в Псков буквально выдернули, как репку из грядки, в штаб фронта, даже на машине от вокзала довели.

Докладывать стал как положено, но Кленов прервал, махнув ладонью, поздоровался – вялое вышло рукопожатие, и уселся за стол, показав глазами на стул напротив. Но ничего не сказал, сидел молча, думал, а Гловацкий сам помалкивал. Ждал, пока начальство первым заговорит, хоть и общались они на «ты» давно, с двадцатых годов, но субординацию блюсти нужно.

– Что думаешь, Николай Михайлович?

– Раз штаб фронта в Пскове, а моя дивизия должна незамедлительно занимать укрепрайон, то думать нужно много, – пожал плечами Гловацкий. – А я даже карты не видел.

– Увидишь сейчас. – Кленов усмехнулся, достал и расстелил перед ним оперативку, на которой была нанесена вся обстановка с 22 июня. Николай Михайлович встал, склонился над картою – синие стрелы рассекали боевые порядки «красных», обозначенных номерами дивизий. Номеров противника было маловато, все больше уточнений, типа «до двух мот. див», это говорило о скверной работе разведки, а значит, и о том, что штаб фронта не владел в полной мере информацией. Последнее для войны опасно, и не важно, идет бой роты или сражение дивизий.

Долго стоял, тщательно формулируя ответ, используя подсказки своего «второго я» и знание из прочитанных книг, довольно хорошо написанных, и не «грызунами». Военную литературу он любил, читал взахлеб, о действиях СЗФ пролистал буквально накануне этого «переноса» толковую монографию, стараясь узнать побольше о событиях, где решалась судьба его тезки. Начал говорить отстраненно, словно рассуждая:

– Противник упредил нас в развертывании войск, что обусловлено тем, что еще в ту войну Германия осуществляла быстрые переброски своих войск с одного фронта на другой. А сейчас к этому еще добавился автотранспорт с его мобильными возможностями. Потому по нашим войскам прикрытия был нанесен удар страшной силы – значительное превосходство в числе солдат и технике позволило ударным группировкам Вермахта быстро прорвать фронт, легко опрокинуть наши стрелковые соединения. Выдвинутые для контрудара мехкорпуса, в условиях господства в воздухе вражеской авиации, свою роль не выполнили. Да и не сумели бы это сделать – наша пехота уже отступала и послужить опорой не могла из-за слишком больших потерь в частях. Спешно выдвигаемые к местам вражеских прорывов подкрепления отбрасывались или уничтожались – численно превосходящая нападающая сторона владеет инициативой и постоянно громит наши резервы поодиночке, неся при этом минимальные потери. Я думаю, что произошедшее обусловлено, его можно объяснить именно внезапным и мощным превентивным ударом противника – наши части лишь выдвигались к границам, и германцы получили уникальную возможность бить их поочередно.

Продолжая рассматривать карту, он тайком посмотрел на начальника штаба – тот сидел с совершенно ошеломленным видом. Потом дрожащими пальцами Кленов расстегнул воротник кителя, ему явно не хватало воздуха, генерал не мог сделать глубокий вдох. Гловацкий снова сосредоточился, думая над формулировками, и снова заговорил, причем стараясь приводить подсказанные ему изнутри формулировки.

– Наша стратегическая ошибка, сделанная Генштабом, заключается в одном – Германия всегда являлась нападающей стороной и в той войне, и в этой. Упредить в развертывании армии

невозможно чисто технически, ведь имея развитую сеть железных и автомобильных дорог, она быстро обеспечит переброску требуемого для войны числа войск. Следовательно, будет владеть инициативой. И это при том, что сохранила свои приготовления в тайне, сама же знает обо всех наших мероприятиях – ведь Прибалтика буквально кишит доброхотами и наймитами, которые уже повсеместно выступают с оружием и стреляют по нашим красноармейцам. Видел я в Старой Руссе разоруженный комсостав 22-го стрелкового корпуса, думаю, обе «эстонские» дивизии стали небоеспособными – командиров там нехватка, личный состав подозрителен, вооружение все иностранное, с обеспечением боеприпасами у них большие проблемы. Рассчитывать на соединения нельзя, а это плохо. Особенно при той протяженности укрепрайона, а ведь нам предстоит защищать его столь малыми силами, на очень широком фронте.

Гловацкий остановился, постучал пальцами по расстеленной на столе карте. Рисованные на ней красным карандашом кружочки дивизий 8-й армии Собенникова пунктиром откатывались от двинского рубежа в Эстонию, 27-я армия Берзарина еще сражалась у Резекне, но те же черточки вели ее дорогу в Себежский укрепрайон. А вот с 11-й армией Морозова все для него было ясно – сама по себе приблизительная разметка движения дивизий указывала на то, что в штабе фронта даже толком не знали, куда отступают разбитые части. Хотя куда деваться, только в Полоцкий УР, уже занятый 22-й армией Ершакова, за спину свежих дивизий, прибывающих к фронту. Но заметил и другое, что неоднократно видел на других картах, посвященных страшному для нашей страны июню 1941 года. Вернее, это самое отсутствовало – круги с обозначением окруженных и уничтоженных врагом советских армий, что происходило на западном и, в меньшей мере, на юго-западном направлениях. То есть фронт в Прибалтике трещал, отступал, прогибался, откатывался, но немцам никак не удавалось устроить любимые ими котлы.

– Да ты кури, Николай Михайлович, – предложил Кленов, – вижу, что и тебе есть еще что сказать.

– Чувствую, Петр Семенович, что на Западном фронте катастрофа, раз Совинформбюро ничего не говорит о минском направлении. От Бреста и от Сувалок немцы ударили разом, рубанули махом и окружили в Белостокском выступе наши армии. Ведь так?

Гловацкий вытащил из раскрытой пачки «Казбека» папиросу, чиркнул спичкой, бросив взгляд на собеседника. Кленов насупился, наступила долгая, мучительная пауза. Вообще-то начальник штаба и так совершил немислимое для правил дело – ввел в курс обстановки на фронте рядового командира дивизии. Правильнее было или как положено, указать фронт развертывания, время занятия, соседей по флангам слева и справа, предполагаемые силы противостоящего противника и, главное, задачи дивизии – наступать ли ей, держать оборону или отходить с боями от рубежа к рубежу, прикрывая отступление армии. И не имел права показывать ему карту с нанесенной на ней оперативной обстановкой.

Так что же случилось, раз генерал-лейтенант Кленов на такое решился, ведь неспроста?!

– Катастрофа, – после долгого, напряженного молчания глухо произнес Петр Семенович, – тут ты прав. Бои идут у Березины, Минск оставлен.

– Так, – протянул Гловацкий, только с трудом нацепил маску удивления на лицо. Он прекрасно сам знал это, даже то, о чем начальник штаба и не ведал, как и о своей собственной судьбе. А ведь его снимут в ближайшие дни или часы, арестуют, позже расстреляют вместе с руководством Западного фронта с генералом армии Павловым во главе.

– Тут не там, – глухо произнес Гловацкий, – вполне приемлемо, могло быть намного хуже. Дивизии отступают от двинского рубежа, и фронт будет проходить по реке Великой. Вот только чем держать будем? Как я понимаю, к соединениям армий можно добавить слово «остатки».

– В дивизиях от двух до четырех с половиной тысяч личного состава, – произнес Кленов, – а из резервов только 41-й корпус, где твоя дивизия, 1-й механизированный всего с одной танковой дивизией и корпусными частями, переданный из Северного фронта. Есть еще 24-й

и 22-й корпуса, из латышей и эстонцев, где-то с полторы дивизии надежных красноармейцев – сильное дезертирство, сейчас чистим состав. Ну, побудь немного на моем месте, Николай Михайлович, распорядись нашими войсками? Помнишь ведь, как в академии проходили?

– Еще бы, – усмехнулся Гловацкий, пожав плечами, память тут же ему подсказала необходимые слова. – Ты там учился, и тактику сам читал, я же ее закончил к тому времени. Так что не мне, обычному командиру стрелковой дивизии, первым диспозицию давать.

– А я позже тебя окончил, да и два ромба ты раньше меня получил, как помню. Так что давай, составляй боевое расписание, посмотрим, насколько наши мысли совпадают.

– У наших противников есть понятие «шверпункта», то есть центра приложения всех усилий войск, согласно их доктринам, – медленно заговорил Гловацкий, внимательно смотря на карту. – Вдоль Великой такой может быть только один, это Псковско-Островский район. Тут две стратегические линии железных дорог, идущие на Ленинград и Новгород, относительно пригодная местность для действий моторизованных и танковых соединений. Южнее Острова до самого Себежа местность вдоль реки заболочена, с лесными массивами, редкие грунтовые дороги, железнодорожная ветка есть только на Идрицу, рокада у Пушкинских гор – обе они не могут иметь такого значения, кружные, речки и речушки, мостики деревянные, для танков неподходящие. Нет, эти двести километров для немцев интереса не представляют – обходной маневр после прорыва здесь практически исключен – питать операцию в глубину, используя местные дороги, крайне затруднительно. Сосредоточить для прикрытия потрепанные дивизии 27-й армии вполне будет достаточно на первое время, у нас целая неделя имеется на приведение их в относительный порядок, пока пехотные соединения Вермахта подойдут к реке. Для обороны тамошняя местность удобная, Себеж прикрыт укрепрайоном – держаться можно долго, немцы пробивать линию дотов будут медленно.

– Хм, так и мы решили, я рад, что наши мнения совпали. Одни у нас были учителя, одна учеба, а потому и выводы мы сделали одинаковые. А как псковское направление?

– Плохо, почти сто верст по линии УРов. Для трех стрелковых дивизий моего корпуса многовато. Танки прорвут его с ходу, боюсь, что даже сутки не продержимся. Я его видел совсем недавно... До войны дело было. Пустые бетонные коробки без вооружения и оснащения, в одном даже дохлаю псину нашел, наступил на нее...

– Но это все же укрепления, сейчас там десять тысяч из строительных батальонов и тыловых частей работают день и ночь, окопы роют. Да еще в помощь тысяч пятнадцать местных жителей мобилизовали. Другого рубежа нет и просто быть не может, иначе дорога на Ленинград будет открыта! Тут выстоять любой ценой надо!

Несмотря на то что голос Кленова прозвучал чуть громче, Гловацкий уловил в нем нотки растерянности и решил рискнуть. Все же если есть хоть один шанс повернуть ситуацию в свою пользу, то следует делать, не медля ни минуты. Если правильные на вид ходы не дают положительного результата, то перейди к неожиданным, таким, которые от тебя не ждет противник. Одна беда – свое собственное начальство тоже их не ожидает!

Начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Кленов Псков

– Меня в том убеждать не надо, Петр Семенович, – произнес Гловацкий таким тоном, что Кленов сразу осознал – старый знакомый с академических времен настроен более чем серьезно. Он сильно изменился, появилось то, что раньше лишь мимолетно проявлялось – резкость и несвойственная натуре решительность, которая совсем не пугала, наоборот, почему-то стала питать его самого энергией и уверенностью.

– Укрепрайон мы удержим, обязательно удержим, если не допустим ошибок и правильно распределим силы, особенно те, на которые мы можем твердо рассчитывать. Какие дивизии отступают в псковском направлении, сюда? Как я понимаю, это части из 8-й армии?!

– Остатки 12-го мехкорпуса в составе 23-й и 28-й танковых дивизий и с ними 202-я моторизованная, во всех до 7 тысяч состава, главным образом из тыловых подразделений, совсем немного артиллерии, танков едва полусотня будет, старых типов. Еще отходят части 90-й дивизии из 10-го стрелкового корпуса, там тысячи полторы личного состава, разные мелкие подразделения, стройбаты с укрепрайонов и прочие. Вот вроде и все. – Кленов старательно припомнил составленную в штабе сводку, вроде ничего не упустил.

– Вот это и есть резервы, на которые нужно рассчитывать. Подожди, Петр Семенович, хочешь сказать, что они небоеспособны, понесли большие потери? Да, так, но есть командование, получившее боевой опыт, тыловые службы, что обеспечат должное полевое функционирование, если наполним их личным составом и матчастью.

– Отсутствует техника, в тылу совсем не осталось, кроме изношенных учебных танков! Нет у нас пополнения, даже маршевых батальонов. – Петр Семенович чуть скрипнул зубами, едва сдерживая ярость, как ему показалось на непонятливого Гловацкого. – Если же мобилизовать ополченцев, то части будут «сырыми», потребуется время, чтобы довести их...

– Все это у нас имеется, нужно только правильно распределить и умело воспользоваться. – Комдив настолько уверенно заговорил, что у Кленова чуть не вырвалось сакраментальное «откуда», но он сумел сдержаться от вопроса, только пододвинул поближе листок с карандашом.

– Ты спросил меня, я отвечу. Точка опоры у нас 41-й корпус и линия ДОТов укрепрайона. На ней нужно оставить только стройбаты, влив в войска, гражданских отвести за реку Великую, на ее правом берегу незамедлительно начать возводить укрепленную полосу обороны, из двух, а то и трех линий. Последним нашим рубежом должна стать река Череха, на случай прорыва немцами второй полосы. Каждый стрелковый полк из всех трех дивизий 41-го корпуса выделит для ее строительства по одному батальону, которые с мобилизованными ополченцами вытянутся вдоль всей Великой, вот досюда. – Пальцами Гловацкий четко очертил по карте сам Остров и довел невидимую линию до устья реки Черехи, чуть южнее Пскова.

– При занятии этого рубежа частями 22-го стрелкового корпуса и 90-й дивизией данные батальоны войдут в их состав и тем самым резко усилят не только боеспособность их полков, но возведут оборонительные сооружения до их прибытия, которое должно состояться в течение двух суток, не больше. В крайнем случае, трех. Остается только убедить комкора Кособуцкого в крайней необходимости данной меры. Сам я готов передать свои батальоны по мере выгрузки и отправлю полки с двумя другими в УР перед Островом, зайдем оборону по линии дотов. Третьим батальоном немедленно волю в полки строителей, обеспечу комсоставом и вооружением, перераспределив между батальонами. Я думаю, если в каждой из шести дивизий к кадровым батальонам будут добавлены ополченцы или строители, эта мера позволит последних в настоящих бойцов превратить довольно быстро и в то же время не сделает части сырыми.

– Так, – только и сказал Кленов – предложение Гловацкого ошеломило его, насколько оно было неожиданным, серьезным – в этом начальник штаба уже не сомневался. Ослабить полки на треть, чтоб усилить соседа, причем отдать, а не передать по приказу?!

– Лучше отдать батальон и воевать рядом с опорой на фланги, чем с лишним батальоном, но без прикрытых флангов. – Гловацкий усмехнулся, будто прочитав его мысли.

Кленов думал довольно быстро – предложение Гловацкого следовало принимать незамедлительно, оно позволяло не отводить 22-й корпус в тыл для чистки рядов с неизбежной потерей численности и, следовательно, боеспособности, ибо каждый полк уже усиливался на треть передачей этих батальонов, более крепких духом.

– Комсостав эстонцев уже прошерстили, так что дивизии нужно немедленно выводить на позиции, и я, и командир 111-й дивизии передадим свои батальоны сразу же, пока комкор не прибыл еще в Псков – отдай только приказ. Чистку рядового состава эстонцев провести нужно быстро, если есть поручители из коммунистов и комсомольцев, то оставить в части, а

всех остальных отводить не в тыл, а перевести в строительные батальоны, пусть копают окопы на правом берегу Черехи. Сможет 22-й корпус занять позиции быстро? И сменить меня у Острова? А 90-я дивизия?

– Сутки, – срок показался Кленову возможным, и он пояснил: – Части растянулись, многие уже рядом с Островом или в самом городе, авангарды на полпути к Порхову, их можно легко вернуть. Еще сутки на обустройство позиций потребуются, к утру пятого будут готовы.

– То, что требуется! А 90-я стрелковая?

– Та растянулась на марше, но пятого-шестого будет в Пскове.

– Допустимо, как раз к прибытию 235-й подойдет, от нее получит свои батальоны. Да, из наших дивизий можно забрать по гаубичному дивизиону, у «эстонцев» артиллерия из английских образцов, снаряды кончатся быстро, а 90-я вообще без артполков осталась, думаю, так что один или два полных дивизиона ей будут весьма кстати. Забрать гаубицы лучше сразу же со всем положенным боекомплектom и с передаваемыми батальонами. И как можно быстрее восстановить боеспособность танковых частей.

– Танков нет...

– И не нужно, – довольно невежливо было перебивать, но Кленов не обратил на это внимания, торопливо записывая на листе предлагаемые ему комдивом меры. Да, до четвертого он может отдавать приказы и этим следует воспользоваться. Если Псков и Остров удастся отстоять благодаря принятым им, начальником штаба фронта, мерам, может, гроза, что готова разразиться над ним, минует его стороной. Да, пусть снимают, пусть переводят на армию, даже корпус, пусть ставят даже комдивом, но это шанс на спасение. Пусть так, но ведь немцев остановить не так просто!

– Мехкорпуса в старом виде восстановить уже просто невозможно. Это инструмент прорыва, а нам не до них, нам оборону держать нужно. Прежние танковые и моторизованные дивизии укомплектовать в том самом виде тоже невозможно, слишком много потребуется танков, которых нет, производство бронетехники новых типов только налаживается. Да и управлять ими наши танковые командиры не очень-то умеют, судя по карте. Думаю, что в самое ближайшее время будет перевод с дивизионной и полковой структуры на бригадную с батальонами. Мы просто сделаем это раньше, только и всего. Над структурой подумать хорошо и правильно распределить подразделения и танки. Другой возможности для усиления у нас нет...

Петр Семенович, торопливо исписывая убористыми строчками лист бумаги, вдруг поймал себя на мысли, что его старый знакомый стал кем-то другим, чем-то напоминал старого полковника в училище, что вел у юнкеров занятия по администрации – скучный предмет на его лекциях они тогда, молодые парни, слушали, буквально замерев за партами, позабыв про все на свете, настолько темы становились интересными. Позднее Кленов, бывший штабс-капитан, пройдя в Красной Армии все возможные штабные должности, не раз с благодарностью вспоминал своего преподавателя и сожалел, что вот таких п р е ж н и х офицеров среди нынешних командиров как-то не наблюдается. А те, что еще остались, лишь о с к о л к и от старых времен. И вот Гловацкий стал другим, похожим на т е х самых с т а р ы х, что вот так, старательно подбирая слова, тщательно разжевывали ему, словно юному подпоручику, прописные истины, для него неизвестные...

Глава 2

«Линия Сталина»

3 июля 1941 года

Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Гловацкий Псков

«На востоке говорят, что утопающий хватается даже за хвост змеи» – мысль была злой, она давно крутилась в голове, и Гловацкий никак не мог от нее отрешиться. Старый знакомый оказался морально сломан той тяжелой ношей, что свалилась на плечи с чудовищной ответственностью, и чередой поражений, и отстранением от должности, за которыми маячил трибунал и расстрел. Он его просто чуток успокоил, ничуть не сомневаясь в конечном итоге – ошибки самого командования фронта очевидны и накладывались на такие же просчеты Генштаба. Но кто он такой, чтобы их судить, искать ответ на извечный русский вопрос «Кто виноват?»».

Задача его на этот месяц, последний в 45-летней жизни, проста как лом – задержать стремительный прорыв 4-й танковой группы Гепнера, как можно дольше связать ее маневр, заставить увязнуть. Коридор Псков – Остров единственный для немцев удобный проход, и если они его выломают быстро, как в той истории, то через две недели окажутся на Луге и под Новгородом, растекаясь по огромной территории. Надо сделать все, что только возможно, и даже невозможно, но задержать их здесь, любой ценой остановить, биться за каждый метр. Любой ценой, но не допустить БЛОКАДЫ!

«Тогда не напрасно жил и мучился последние 15 лет, если будут живы сотни тысяч ленинградцев, которые умрут голодной смертью. Да, все верно, в этом мое предназначение. Все, что мог, я сделал, и если Кленов выполнит то, что записал, будет выигран не день, два или три, пара недель точно, это уже много. А там пусть сражаются другие, я отыгрался». – Николай Михайлович оторвал нитку с иглою, отложил в сторону. Аккуратно свернул маленькую гимнастерку, к воротнику которой уже прикрепил малиновые петлицы. Для него такая работа была и нескрываемым удовольствием, сделать руками что-нибудь полезное, и возможностью хорошо подумать.

«Вот только как остановить немцев – это не вопрос, а целая проблема. И тут слишком много «если»! Я не полководец, в наступлении и контратаках все погублю быстрее любого здешнего комдива, но вот в обороне, возможно, продержусь, тем более драться предстоит в городах, которые тогда оставили без боя, не понимая, что они сами по себе изрядная пробка на пути немцев, которую тем нужно обязательно вышибать. Здесь главное – время! На Лугу их пехота вышла к концу июля, но что будет, если две недели у них уйдет на штурм Пскова? Тогда каждый день у нас воистину золотым окажется».

Гловацкий отвлекся, паровоз сильно дернул вагоны, эшелон медленно пополз в белую ночь – путь на Остров будет для него недолгим, пара часов, и разгрузка, на ближайшие сутки станция, город и его окрестности превратятся в людской муравейник. Шутка ли, выдвинуть в УР всю дивизию, не в Пскове разгружаться и потом полсотни верст сюда топать? Хотя опасно – не дай бог, немцы удар своими пикировщиками нанесут. Тогда большие потери просто неизбежны. Ведь на станции по приказу Кленова остановят эшелоны 163-й моторизованной дивизии, те, что не успели направить к Резекне, к явной их гибели. Это есть его выигрыш, первый – мотострелковый полк с танковым батальоном, почти половина сил того соединения, с десятком новеньких танков КВ уже не будут разгромлены на марше, не успев даже сгрузиться с платформ. Может быть, главные силы успеют вернуться или хотя бы займут оборону у станции Гаури, пусть на очень короткое время, но притормозят продвижение 6-й германской панцер-дивизии.

Гловацкий посмотрел на часы – на них ровно половина первого ночи. Новый день начался, а ночь не наступит, все тонет в сумерках. Подошел к окну, поморщился от неприятной боли – левая рука ныла весь день, хотя он выпил лекарства, принесенные врачом. За день она его осмотрела дважды, держались крайне официально, так что просто побоялся о чем-либо спросить эту строгую женщину в нелепом солдатском обмундировании. Но через два часа уже будет не до болячек, а завтра, да, уже завтра, как он знал, после полудня немцы прорвут с ходу линию дотов и ворвутся в Остров. Но это было тогда, наши ведь не ждали, сил мало набиралось у них, чтобы врага задержать, успеть мосты взорвать. Сейчас совершенно иной будет расклад – их встретит полнокровная дивизия, и у нее почти сорок часов на подготовку.

– Разрешите, товарищ генерал-майор? Мне нужно вас осмотреть и дать вам лекарства!

– Проходите, пожалуйста, Софья Михайловна, я ждал вас. Рука, кстати, меньше стала ныть, хотя ощутимо побаливает. – Он встал с дивана, все же перед ним женщина, та, которая пришлась ему по душе, и наоборот – видно было, что военврач лишь выполняет долг, испытывая к нему отвращение как к человеку. А как объяснить женщине иное, если она уверена в правильности сделанного ей решения?!

– Последствия даже от небольшого «удара» бывают очень тяжелыми, и поэтому я предложила вам госпитализацию. Вы отказались, товарищ генерал, – тон ее был ледяным, Николай Михайлович прикусил нижнюю губу до боли. Затем снял китель и нательную рубашку – врач послушала сердцебиение, постучала крепенькими кулаками по разным точкам, спрашивая «болит – не болит», и предложила одеться. Сама достала две бутылочки с лекарственным настоем, положила на столик порошки в бумажных пакетиках.

– Настой пить по половине стакана каждые четыре часа, чередуя их. Порошки принимать, запивая обязательно кипяченой водою, за час до приема пищи, четыре раза в день. Это вам на сутки, вечером снова осмотр, а с утра получите лекарства. Разрешите идти, товарищ генерал?!

Да что ты будешь делать?! Ничем ее не убедишь, трижды предлагал он ей по имени-отчеству звать, ни в какую!

– Подождите минуту, Софья Михайловна. – Гловацкий решил пойти на полную откровенность. – Я обидел вас сильно, знаю, хотя не понимаю чем. Но простите. То, что я вам скажу сейчас, служебная тайна, она завтра будет только известна. Мы с вами больше не встретимся, потому что служба тыла, медсанбат и ваш госпиталь останутся в Острове, на этом берегу реки. Вся дивизия займет оборону на том, и я буду там и просто не появлюсь в городе, не смогу вырваться ни на минуту, да и не будет ее лишней. Это война, нужно выполнять долг, мне не до личных переживаний станет. Завтра немцам дадим бой, наверное, после полудня, через сорок часов. Присядьте, пожалуйста, выслушайте меня, еще есть время, немного, но есть.

Гловацкий ждал чего угодно, но, видимо, в его тоне женщина услышала нечто такое, что, к удивлению Николая Михайловича, она только кивнула и присела на диван, положив руки на колени, устремив на него настороженный взгляд, поблескивавший в темноте купе.

– Спасибо вам, что дали мне возможность начать жить. И полюбить... Я полюбил вас, Софья Михайловна, хотя совсем вас и не знаю. – Гловацкий попытался улыбнуться, но ничего у него не вышло, и он, сидя на откидном стуле напротив нее, прижался спиной к стенке купе – она сидела совершенно безучастно, словно не слышала его.

– Но буду помнить вас всю жизнь, сколько бы ее мне ни осталось, – ему показалось, что она усмехнулась, и Николай Михайлович медленно произнес еще раз: – Я говорил вам правду, даю слово офицера! А теперь вы вольны поступать, как пожелаете.

– Вы царский офицер?! Или у белых служили?!

Глаза женщины расширились, она не ушла, как он подумал, напротив, смотрела на него изумленно. И тут понял, что допустил ляп – он командир РККА, «офицер» сейчас не употребляется, это слово символизирует царский режим или белогвардейцев. И появится в обороте только с 1943 года, после победы под Сталинградом, как и погоны.

– Подпоручик, – назвал свой последний чин Гловацкий, – но присягал не царю, а России. С белыми воевал! У меня медаль за службу в Красной Армии с первого дня. Она на колодке, последней в ряду.

– Так вы герой Гражданской войны?! Я думала, вам тридцать три или тридцать пять лет...

– Сорок пять, Софья Михайловна, – произнес Гловацкий, – я намного старше вас.

– Вы старше моего отца на год, – тихо произнесла женщина, и Николай Михайлович оторопел, не в силах поверить словам.

Он воспользовался днем служебным положением и узнал ее анкетные данные. Еврейка, замужем не была, детей нет, происхождение самое что ни на есть классовое, из угнетенного народа, отец – старый член партии, с 1916 года, с дореволюционным стажем, про мать отмечено, что ушла из семьи вскоре после родов. А на год рождения ее родителя не посмотрел, думал, уже старый по возрасту, а тут такой поворот. Но кто же знал?!

«Ей 28 лет, но выглядит старше, я ошибся. Но и она ошиблась, считая меня много моложе. Это ж во сколько ее отец сделал? В 15 лет, выходит?! Ну вот и все, товарищ подполковник, вы снова познакомились с чудной птицей по имени обломинго! Отцов любят иной любовью, их дочери почитают! Так что осыпь свою голову пеплом и дурью больше не занимайся, не трать время. Твое дело война, помирать скоро, а не барышням головы кружить!»

– С детства мечтала, что муж мой будет героем Гражданской войны, седым, с орденами, мне все девочки завидовать будут. Позавчера вас первый раз в Старой Руссе увидела на станции, подумала, какой молодой генерал, а уже с орденами. Стыдно для военврача, пусть из запаса, не углядела медаль, думала, награды за Испанию или за зимнюю войну с белофиннами. А вы краснознамец за Гражданскую? И товарища Ленина видели? А за что вас орденом наградили, за какой подвиг?

Гловацкий оторопел, глядя на ее загоревшиеся глаза: «Вот дела, да она еще дитя дитем в ее годы. Или люди здесь просто более непосредственные, с их-то воспитанием и преклонением перед вождями?»

– Владимира Ильича видел в девятнадцатом году на параде Всеобуча, я в ротной коробке шел. А товарища Сталина на выпуске из академии, – память Гловацкого не подводила. – Орден Красного Знамени получил в двадцать шестом, в Монголии, это их знак. А наш только через двенадцать лет, за Хасан, а «звездочку» чуть раньше.

– А что вы там делали? В Монголии? А у озера Хасан?

Не женщина, девчонка сидела напротив него с горящими глазенками. И дрожащим пальчиком тронула орден на груди. Он прижал ее ладошку к сердцу, та напряглась, но тут же покорилась, расслабилась. И он решился – взял ее теплую ладонь и прикоснулся к ней губами.

– Что вы делаете, Николай Михайлович, это буржуазные предрассудки. – Она вырвала руку, сверкнула глазенками и тихо добавила: – Не поступайте так, хотя мне очень приятно, честное-пречестное слово.

– У меня для вас подарок, Софья Михайловна. – Гловацкий обрадовался искренне, она назвала его по имени-отчеству. И стала совсем-совсем иной, еще больше притягательной.

– Сегодня в штабе только для вас нашел, на окружных складах завтра интенданты положенное женщинам обмундирование выдадут. А это ваше... тебе от чистого сердца подарок, сам подворотничок пришел и петлицы. И гимнастерку немного ушил.

– Мне? Ты сам...

Она растерянно смотрела на пододвинутые к ней хромовые сапожки, юбку, гимнастерку, берет и сверток женского белья, пусть допотопного, но, несомненно, женского, а не мужского.

– Да, Сонечка, можешь переодеться, а то на это безобразие, что на тебе, смотреть тошно...

– Да оно меня саму коробит! Ой. Какое оно все хорошенькое, и трусики даже есть...

Такой непосредственности Гловацкий не ожидал – она снова рывком сдернула с себя гимнастерку вместе с нательной рубашкой, вцепилась в белье, сбрасывая с себя штаны с сапогами и тут взглянула на него, поймав вытаращенные на нее глаза.

– Ой, – только и произнесла девушка, прикрывая свое обнаженное тело гимнастеркой, а Гловацкий поспешно отвернулся. Его немножко заколотило, все же испытание для психики мужика большое. И тут к спине прижалось ее горячее тело, а шею обвили две руки, нежные и теплые.

– Ты действительно любишь меня, Коля?

– Да, – коротко произнес он и поцеловал ладошку. Его сразу повернули крепкие ручки, он задохнулся от зрелища ее прекрасного, налитого силой тела, но вот голос произнес строго:

– Руки целуют чужим, а я вся твоя... Хочу любить тебя по-настоящему, милый, родной мой, ведь война...

Софья хрипло задышала, с закрытыми глазами потянулась к его губам. Гловацкий прикоснулся к ним, с удивлением отметил, что они сжаты, хотя ее руки гладили его плечи, как в прошлый раз, довольно энергично. Вот только целоваться девушка совершенно не умела и задрожала в кольце его рук.

– Ты что, радость моя?

Гловацкий спросил ее обеспокоенным голосом, он не понимал, почему так, ведь ей 28, врач, вроде должна все знать и уметь.

– Я вчера за тебя испугалась и решила, что ты будешь у меня первым. Прости, но я не могла ни с кем, меня пытались изнасиловать в детстве, а я убежала... Вот и боюсь... А вчера решилась, а ты меня не стал... Дура я, обиделась. Любимый... Все делай, все, я твоя... Твоя и только твоя...

«Вот дела, никогда бы не поверил, если бы не сам», – только и подумал Николай Михайлович, и тут его лицо прижали к обжигающей груди, и все мысли разом покинули голову...

Командир 41-го стрелкового корпуса генерал-майор Кособуцкий Западные Страны

Сон никак не шел, хотя на больших наручных часах давно перевалило за полночь. Классный вагон немилосердно мотало на порядком разбитых и запущенных путях, иногда возникало ощущение, что как построили дорогу при царях, так все годы советской власти и не ремонтировали ни разу. А ведь эшелон буквально плелся на перегонах, едва проходя два десятка верст за час. И еще столько же времени просто стоял на забытых богом полустанках и перегонах. Вот так двигались рывками, и это на фронт спешная переброска?! Полдня ехали, полночи стоять!

Иван Степанович уселся на жесткой полке, недовольно бурча – для штаба корпуса выделили один-единственный плацкартный вагон, в котором бывшее купе проводников отвели для командира корпуса. Все остальные вагоны были общими, обшарпанными и загаженными донельзя, впитав в себя навечно устойчивые запахи русской глубинки – несвежих портянок и грязной обуви, квашеной капусты с тухлятиной, махорочной вони в туалете и еще много чего совершенно непередаваемого. В его отсеке хоть прибрано было, но откуда-то пробивался устойчивый запах самогона, которого он, выходец из небольшого еврейского местечка укутанной топями и лесами белорусской глубинки, на дух не переносил. Но сейчас стойко терпел эти невзгоды, хотя испытывал желание забыться, как после принятой бутылки водки.

За последние дни и без того невеселое настроение командира корпуса стало откровенно мрачным и тоскливым. Еще 26 июня в штаб поступил приказ из Москвы о перевозке всех трех дивизий его корпуса на станцию Карамышево и в сам Псков. На все отводилось пять дней – погрузиться в эшелоны, доехать и разгрузиться. Вот только легко сказать да запланировать, а жизнь отвечает своей суровой реальностью, весьма далекой от планов и крайне жестокой.

НКПС не вовремя предоставил вагоны и платформы, потому погрузка получилась дерганой – первой отправили 111-ю дивизию, затем тронулись эшелоны 118-й этого умника Гловацкого, с которым не сошлись характерами во время учебы в академии. Звания у них были равные и шли по служебной лестнице вровень, тот даже его опережал одно время в карьере. Вот и тянет на себя одеяло, другими-то дивизиями полковники командуют, им-то спорить с командиром корпуса не с руки. А этот пытается, на его должность метит?!

Генерал Кособуцкий тяжело вздохнул – отправка двух дивизий почти разорвала корпус. С небольшим запозданием двинулись эшелоны штаба и других подразделений, включая приданный корпусной артиллерийский полк. А последними должны были пойти по железной дороге части 235-й дивизии, из Иванова и окрестных станций.

– Что же происходит на фронте?

Вопрос, тихо заданный самому себе, повис в воздухе. Еще два дня тому назад Совинформбюро говорило о боях на минском направлении, но сейчас будто в рот воды набрало, полное молчание о столице Белоруссии. Знающие люди, умеющие делать свои выводы в советской реальности, где информация давалась крайне выборочно и дозированно, только головой качали, и генерал Кособуцкий входил в их число, недаром исполнял обязанности, пусть и короткое время, начальника штаба округа. Выходит, что говорить хорошие новости уже нет возможности, вот и молчат как рыбы, не желают сказать о сдаче врагу столь важного города, центра сильнейшего до войны Западного Особого военного округа.

Судя по отчаянной суматохе, по тому, как все три дивизии его 41-го корпуса стали спешно отправлять в Псков из Ярославля, Костромы и Иванова, то положение на фронте сейчас хуже некуда. Везут на старую границу, в Псковский укрепрайон, а это означает лишь одно – оборона прорвана, армии прикрытия разбиты на границе, враг уже продвинулся далеко в глубь страны, заняв как минимум две присоединенные к СССР прибалтийские республики. Видимо, контрнаступление первых дней полностью заглохло, и теперь речь идет лишь о задержке противника, любой ценой остановить наступающие танковые дивизии гитлеровцев. Вот и выдвигает Ставка на запад так спешно второй эшелон армий, бросают на фронт все резервы, какие только есть под рукою во внутренних округах.

Но время, время!

В Старой Руссе он осведомился у дежурного ВОСО, службы военных сообщений, о движении эшелонов корпуса. Вот и выходило, что 111-я начала разгрузку позавчера, 1-го числа. Вечером прибывают в Псков эшелоны 118-й, он будет завтра, а корпусные части тянутся с прибытием до 5 июля. А вот 235-я выгрузится в полном составе в лучшем случае лишь 6 июля, а то и на день позже. А приказ был занять укрепрайон 2-го числа, то есть вчера. И пусть не их вина, но немцы-то ждать не станут!

– Ой как худо, как плохо, – еле слышно прошептал Иван Степанович, снова ложась на жесткую полку, надеясь провалиться под перестук колес в спасительный сон...

Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Гловацкий Островский укрепрайон

– Нет никогда мелочей, все имеет значение. – Слово буддист мантру, Гловацкий повторял эти слова с ночи. Передовые эшелоны дивизии стали выгружаться еще перед рассветом, и не на станции или в городе, а пройдя через реку по мосту, в самом укрепрайоне. Сколько это позволило выиграть времени, Николай Михайлович знать не мог, но догадывался, что немало. И решил, что ему подфартило – бывает так в жизни, когда все складывается в твою пользу, любое событие выгодно, как у него в эти первые дни в новой для себя жизни, но внутри души уже копошился червячок сомнения. Ведь давно известно, что кому много дается, с того и спрашивается больше, жизнь ведь как зебра, то полоска белая, то полоска черная. Главное, по последней вдоль не пойти, как случилось с ним в последние пятнадцать лет.

– Как лопатку держишь, словно онанист свой хрен двумя пальчиками. – Николай Михайлович спрыгнул в отрытый по колено окоп, где конопатый боец в очочках, ну вылитый студент, горожанин балованный, от мамкиных пирогов оторванный, пытался отрезать кромкой МПЛ-50 пласт дерна. И сам взялся за лопатку, в несколько взмахов, аккуратно отрезал пласт пожухшей от жары травы, затем бережно отложил его в сторону, к тем искромсанным донельзя кускам дерна, что незадачливый вояка нарезал раньше.

– Пластами режь, сынок, пластами, на бруствер потом выкладывать для маскировки! А ты дерн режешь, словно гимназист кошек, кровища в стороны брызгами, но ни одной целой шкурки!

Краем глаза он видел, что не только бойцы отделения, но и сержанты едва сдерживают смех, фыркая, но продолжали трудиться как заведенные, блестя на солнце, словно облитыми водой, потными спинами. Зато командир батальона, молодой, лет тридцати, коротко стриженный майор, в очередной раз заиграл желваками на крепких скулах.

– Копаем, бойцы, копаем, время отведено до завтра, – коротко бросил недовольным голосом Гловацкий, и лопаты разом заработали быстрее. – И если хотите жить и послезавтра, и через месяц, и до конца войны дожить, то крепко зарубите себе на носу: лучше отрыть двадцать метров траншеи, чем один метр могилы!

Николай Михайлович легко выпрыгнул из окопчика, едва опершись рукою на землю, продолжил идти с самым сумрачным и недовольным видом, разглядывая по гребню проложенную в траве изломанную линию будущих траншей. Это вторая полоса обороны, первую собранные с округи местные жители проложили между ДОТами, а те сами были построены хотя и разумно, по возвышенности, но половина ниже гребня. И прямые, что лом – последнее взбесило Гловацкого, ведь любой разрыв, пулеметная очередь из танка, и все выметет как метлюю!

Богатый урожай соберут немцы из трупов красноармейцев, по чьей-то нерадивости или незнанию, в одночасье ставших мертвыми. И он, не выбирая выражений парламентского характера, высказал все, что думает, в лицо вроде тертого мужика из запасных, с двумя «кубарями» воентехника на черных петлицах, что должен был надзирать за трудом мобилизованных на окопные работы. Руки оторвать бы ему до самых ягодиц за напрасно пролитый пот сотен людей да выдрать шомполами вдумчиво!

Гловацкий резко остановился, разглядывая знакомую местность. Да, точно, здесь он был – пусть нет строений музея под открытым небом, что устроили местные энтузиасты 75 лет спустя, да выставки боевой техники и артиллерийских систем из этой, еще только что начавшейся, не отгремевшей три четверти века назад войны.

Приземистые сероватые бетонные коробки ДОТов Николай Михайлович узнал мгновенно, все же глаз наметан на военные сооружения, сам строил когда-то и окопы рыл не раз. Крайний дот был тогда разворочен взрывом, но сейчас целехонек. Здесь уже трудились стройбатовцы, хорошо копали, по ПУ тридцать девятого, а оттого совершенно неправильно, совсем неподходяще для долговременной обороны, что опыт и этой войны, и других показал со всей своей кровавой очевидностью.

– Лейтенант, подойдите ко мне. – Гловацкий негромко подозвал к себе молоденького командира, русого, такие девчонкам нравятся. А ему совсем наоборот, но распекать командира на глазах подчиненных нельзя, он отвел в сторону и, снизив голос, спросил:

– Вы, наверное, уже много раз в атаку ходили, товарищ лейтенант? Под обстрелом бывали часто?

– Никак нет, товарищ генерал. – Парень ответил так же негромко и с нескрываемым недоумением добавил: – Из училища досрочно выпустили и сразу в часть распределили, две недели назад!

– Послушай меня, запомни – стрелковая ячейка хороша тем, что на ямку похожа. В атаке гадить в такие весьма здорово. От страха наложил в ямку, облегчился, пулеметную очередь

переждал – и вперед! Обстрел начнется, и все – взрывы придавят, все запорошит так, что небо не увидишь! Дым, гарь сгоревшего тротила, вонь человеческих потрохов, что в стороны раскидает – все это очень здорово на нервы бьет! Сидишь в ямке, а тебя дрожью крупной пробирает, не знаешь, жив ли кто рядом или ты такой один горемычный из роты остался. А может, приказ какой был, посыльный под обстрелом погиб, а ты не знаешь. Понимаешь меня, лейтенант?

– Кажется, понимаю вас, товарищ генерал. – Тот неуверенно отозвался и оглядел отрытые в шахматном порядке стрелковые окопчики – тех откопали множество, видно, что трудились на совесть. Надо бы еще на страх надавить, да не перед начальством, а перед врагом, пока неведомым, но сильным, если так быстро от границы до псковской земли дошел.

– Тогда ходами сообщений ячейки в один узел обороны свяжи, полная лепота наступит. Рядом с товарищем обстрел легко пережить, ты сидишь куришь, от страха зубами лягаешь, он писюн гладит, о своей зазнобушке вспоминает, жалеет, что наскоро прощался. Посыльный мимо пробежит весь из себя целый, потому что не по открытому полю несся, а по траншее, пули не в тебя, над головой свистят. Ротный пройдет, словом крепким подбодрит, а ранят, так в блиндаж унесут, перевязку тебе сделают, а потом по ходам сообщения дальше в тыл унесут.

– Все ясно, товарищ генерал!

– Вон деревеньку видишь, рядом вроде стан колхозный. Разбирай все под корень, окопные стенки деревом хорошо укрепляй да на распорки ставь обязательно – тогда крепче, и от близкого разрыва сыпаться не будут. Да, на круговую оборону все здесь затачивай, там, там и там, – Гловацкий ткнул пальцем по гребню с обратных скатов, – капониры для танков отрой, вроде ДОТов послужат. Да для запасной позиции тоже. Блиндажи нужны, хотя бы несколько, сам понимаешь, командовать там и медпомощь оказывать. Да, вот еще, пойдем туда, покажу кое-что.

Николай Михайлович в сопровождении лейтенанта подошел к отрытой ячейке, предназначенной только для станкового пулемета Максим, судя по размерам площадки. С гребня хорошо просматривался небольшой березовый перелесок и идущая вдоль линии грунтовка.

– Тебе врага отсюда очень хорошо видно, длинной очередью порежешь и положишь. Так, лейтенант?

– Так точно, товарищ генерал, сам выбирал!

– Вот и молодец, хм... Ноженек своих не пожалей, сходи на дорогу и оттуда посмотри на позицию, добрый молодец. Я за-ради такого нужного дела «максимку» прикажу поставить да очередь над твоей головушкой дать! Увидишь, как из него по тебе, такому умному и красивому, палят. Увидишь? Чего пригорюнился, командир?

– Увижу, товарищ генерал, – лейтенант понурился, – только сейчас сам сообразил, что и немцы увидят...

– И тогда либо из пушек прямой наводкой собьют вторым снарядом из танка, либо минами подавят из-за перелеска, либо так пулеметами причешут, что и не высунешься. А как сделать, чтобы твоя стрельба намного полезнее была и сами вражины с поиском нашей пулеметной точки и ее подавлением долгонько повозились?

Лейтенант молчал, лихорадочно соображая, и Гловацкий решил прийти к нему на помощь, что делать – он-то сам пулеметчик в двух своих ипостасях, а тут птенец желторотый, что в училище одну ленту извел, вряд ли больше военным строителям выдают.

– Смотри, лейтенант – здесь насыпаем бруствер и хорошо маскируем. А пулемет ставим за него и ведем не фронтальный, а фланкирующий, скажем косоприцельный. Пулеметы разносим по фронту в точно таких же укрытиях. Вон там отличная позиция, левее дота, потом чуть ниже один, на гребне еще позицию. И получается, какую стрельбу ведем по врагу?

– Он попадет под перекрестный огонь, где бы ни находился. Можно даже вдоль дороги стрелять...

– Молодец, сообразил, что на самой дороге и вдоль ее ты их там много уложишь, бежать им некуда, укрыться тоже. Не стрелки, даже с Дегтярями, а станковые пулеметы с их водяным охлаждением главное оружие батальона в обороне. Огоньком вражину держим, многослойным – ливень пуль пехоту прижмет, а их минометы с гаубицами своей артиллерией накрывать будем. А тут позиции для корректировщиков будут – понятно, для чего еще блиндажи нужны нам до зарезу?

– Рации от обстрела спрятать?!

– С лета ловишь! А танки вкопаем, чтоб их бронетехнику не пустить, и вкопать нужно, чтоб только башня видна была – броня у наших тонкая, так что укрытие будет, а в башню еще попасть нужно. И хрен они нас с бугорков этих скovyрнут, а мы еще в тылу таких линий пороем много, до реки и за ней тоже. И не прорвут они ее, кровью умоются. Не пустим к Ленинграду! Все, отступить не будем, здесь намертво остановим!

– Остановим, товарищ генерал!

Гловацкий посмотрел по сторонам – стройбатовцы стали копать более усердно, так как специально голос громче сделал, чтоб и они послушали, и с командиром вместе взбодрились. Николай Михайлович решил к большому энтузиазму их приобщить, своеобразно, в духе сложившихся обстоятельств, когда через сутки бой начнется.

– Ваш строительный батальон в мою дивизию перешел, так что вы для себя позиции готовите! Пулеметы и минометы выделим, винтовки и гранаты. Да, вот еще – ниши для бутылок с бензином выкопайте, если танки прорвутся через первую линию, поджигайте и кидайте на моторную решетку. Немцам сразу весело станет, как тараканам в топке. Бутылки сейчас по всему Острову собирают, к утру получите. Так что копайте, часов тридцать еще есть, и даже бой начнется, за скатами копать можно. Зарывайтесь в землю поглубже, она тогда не могила, а спасение! Да, а где гарнизоны ДОТов?

– Передали, что после полудня рота пулеметного батальона подойдет, товарищ генерал!

– Хорошо, тогда пойдемте, доты посмотрим!

Гловацкий пошел к тому самому ДОТу на склоне, что и в первый раз – тогда к музею он поехал после, вначале побродив по взгорку при помощи паренька, устал, правда, зверски. На толстой двери пломбы были сорваны, и, по всей видимости, давно – и куда только родная милиция смотрела, она же охрану военных объектов, даже законсервированных, нести обязана. Видно, селяне местные здесь искали полезное для хозяйства. Вот дурни!

– Так, лейтенант, придут уровцы, пусть лопатами сами ходы копают от двери, накаты из бревнышек, один к одному делают и землю присыпают. Маскируют дерном тщательно!

Гловацкий шагнул в проем, толстые бетонные стены отрезали день и привели в сумрак вечерний. Освещение шло через амбразуру – Гловацкий, тихо выругавшись, замер, глаза привыкли к темноте. Да, хреново гарнизону будет, лучше в окопах сидеть. Амбразуры для фронтального огня, их немцы прямой наводкой заглушат – либо танки подойдут поближе, либо из мощных зениток на расстоянии сработают. Вздыхнув, сделал шаг с порога, поставив ногу вниз, на бетонный пол. Хлюпнула вода – сапог в нее ушел чуть ли не по ступню полностью. А вот вторым он наступил на что-то мягкое. Вздрыгнув, посмотрел, сплюнул и с руганью выскочил из дота.

– Твою ж, во все три коромысла! В этом вся Россия, дохлая псина здесь, что ли, все семьдесят пять лет пролежала?!

Командир 28-й танковой дивизии полковник Черняховский Станция Гулбене

Совсем не так представлял первые десять дней этой войны молодой, не достигший еще середины сорокалетнего рубежа полковник. И только сейчас, на латышской станции, Иван Данилович полностью осознал все масштабы случившегося с войсками разгрома. Такого быть

не могло, но дело в том, что случившееся вполне закономерно, особенно с главной ударной силой РККА – механизированными корпусами.

Каждый из них включал две танковые и моторизованную дивизии, мотоциклетный полк и корпусные части. По штату состояло одна тысяча танков, две сотни броневедомостей, 35 тысяч человек личного состава, полторы сотни орудий, почти 6 тысяч автомашин, тракторов и тягачей. Да, все новые танки КВ и Т-34 ушли в другие округа, в Минск и Киев, но и в его корпусе хватало с избытком боевой техники, пусть довольно устаревшей, порядком изношенной за долгие годы своей службы, с почти выработанным моторесурсом. Но ее было вполне достаточно.

Так, в его дивизии числилось 236 танков БТ-7, 69 Т-26, линейных с 45-мм пушкой и огнеметных, девять «Виккерсов», раньше состоявших на вооружении латвийской армии. Во второй танковой дивизии мехкорпуса, 23-й полковника Орленко имелось почти четыре сотни танков Т-26. И лишь в 202-й моторизованной дивизии полковника Горбачева меньше половины положенного от штата. Но и у него было больше сотни танков, две трети составляли Т-26, остальные «трофеи» различных марок, по которым можно изучать историю европейского танкостроения в 1920-е годы – английские «Виккерсы», французские «Рено» чуть ли не всех модификаций, итальянские «Фиаты», ископаемые, тут нет иного мнения, танкетки разных марок и стран, включая польские.

Броня у всех танков корпуса противопульная, пробиваемая немецкими 37-мм ПТО чуть ли не насквозь, но их ведь было много, очень много, в десять раз больше, чем противотанковых пушек в пехотной дивизии Вермахта. Эта бронированная лавина должна была смять врага, раздавить его своей мощью, намотать на гусеницы. Германская пехотная дивизия сокрушительного удара мехкорпуса выдержать не могла – семь десятков маленьких пушек, какую бы подготовку ни имели расчеты, но остановить танковую лавину в девять сотен танков не сумели бы. Ведь удар наносится накоротке, танковый прорыв скоротечен – дистанцию, пусть даже с километр, когда ПТО начнут пробивать броню, танки преодолеют за несколько минут.

Но вот этого не случилось, наоборот, противник уже вступил в Ригу, а советские войска отступают, и нет у них возможности остановить врага. В его 12-м мехкорпусе осталось в строю едва семь тысяч человек, в основном в тыловых частях, всего по полсотни танков и пушек – по сути, меньше одной полнокровной моторизованной дивизии, где вместо танкового полка в четыре батальона только один. И болезненный вопрос в голове, извечный: почему так произошло?

Первый звонок для него самого прозвенел за три дня до войны, когда Иван Данилович устроил по плану корпуса учения в своей дивизии. Наспех сколоченный штаб полностью потерял управление частями, даже не знал, где, какие из подразделений находятся на марше. Связь осуществлялась через делегатов на мотоциклах, а радиостанциями не умели толком пользоваться. В общем, сплошная суматоха и неразбериха, самому пришлось учить штабных командиров тому делу, которое они сами должны были знать в тонкостях и ему разъяснять. Все надеялись, что если начнется война, то все спишет: огрехи и неумение, неготовность и незнание.

Война началась, вскоре действительно списала, вместе с тысячами бойцов и командиров, что расплатились собственной жизнью и кровью за эту самую бестолковость, сотнями сгоревших танков и расстрелянных с воздуха автомашин. Страшна оказалась расплата за человеческую глупость, надежду на пресловутое русское «авось».

Почему произошло именно так и не иначе?

Тут все дело во взрывном, иначе назвать нельзя, росте танковых войск. Весной начали комплектовать сразу два десятка мехкорпусов, в дополнение к тем девяти, что успели сформировать прошлой осенью. На их пополнение бросили все танковые бригады, изъятые в стрелковых дивизиях батальоны танков НПП, учебную бронетехнику и то, что можно было найти – все это перемешали и стали создавать практически с нуля такие крупные войсковые соедине-

ния – механизированные корпуса. Готовых кадров катастрофически не хватало – в танковые части тысячами спешно переводили кавалеристов, пехотинцев, артиллеристов, саперов и всяких снабженцев, наспех готовили механиков-водителей, быстро сколачивали экипажи и части, вооружали всем, что на складах было. И что получилось в итоге этой «танковой» реформы, непродуманной и злополучной, но проведенной с неистовым, разрушающим напором в самое короткое время?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.